

Акрибия
и амелейя, или
Где *быть* доброй
земле?
(грамматика
В. Е. Адодурова
в контексте и без)

Acribia
and Ameleia:
The Context
(or Lack Thereof)
for Vasily
Adodurov's
Grammar

**Андрей Александрович
Костин**

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН,
С.-Петербург, Россия

Andrei A. Kostin

Institute of Russian Literature (Pushkin
House) of the Russian Academy of
Sciences, St. Petersburg, Russia

Резюме

В статье, помимо необходимых уточнений к новейшей публикации "Anfangs-Gründe der Russischen Sprache" (1731) В. Е. Адодурова (СПб., 2014; под ред. С. С. Волкова и К. А. Филиппова), в том числе в отношении датировки и атрибуции, комментария, полноты указателей и точности в передаче текста, приводятся соображения о принципах издания и изучения памятников петербургской грамматической традиции 1730–1750-х гг. В приложениях публикуется текст записки В. Е. Адодурова о Ъ и Ь (1737), а также предлагаются основные уточнения к публикации рукописной грамматики русского языка Академической гимназии 1738–1740 гг. в издании Б. А. Успенского (Первая грамматика русского языка на родном языке. М., 1975).

Ключевые слова

В. Е. Адодуров, доломоновские грамматики русского языка, 1730-е гг., текстология, комментарий, орфография

Abstract

The article offers some corrections to Vassily Adodurov's *Anfangs-Gründe der Russischen Sprache* (1731), as edited by S. S. Volkov and K. A. Filippov in 2014. There is one thing to note regarding the quality of this edition. On page 7, the editors list the typographical errors they corrected when working with the original text. The list they present has four items and contains a total of six errors, which are actually misreadings by the editors themselves as well as typos they appear to have introduced during the production of the book (including that they cite pages 49 and 51 of the 48-page original). The work, produced by a team of ten, consists of different sections: four prefatory essays; a facsimile reprint of the 1731 original; a rendition into modern typeset with a Russian translation; two indexes; and three supplements. These multiple parts are poorly coordinated and, overall, can be evaluated as ranging from being somewhat acceptable to being defective. The editors knowingly and without any explicit polemics ignore the original conception of the history of Petersburg Academy's Russian grammar in the 1720s and 1730s that was offered by Helmut Keipert (2002) and has been accepted by most scholars. Whereas Keipert's fundamental work presents multiple Russian grammars created in St. Petersburg in this period as the product of collective work, conducted mostly by and for German speakers, the editors of the volume under review tend to see the *Anfangs-Gründe* as an individual work, an "original grammar produced by V. E. Adodurov." Any extensive comparison of the *Anfangs-Gründe* with other early Petersburg grammars would demonstrate the dependence of this short essay on the more profound work of its predecessors. The present edition has almost no commentary; of the five commentaries included in the volume, two are erratic, one is obvious, one shows that the editors are new to the typographical term *custos*, and only one—dealing with Lomonosov's use of examples from the *Anfangs-Gründe* for his *Russian Grammar* (1755)—makes any sense. The German text in modern typeset is extremely poorly prepared: in the first 23 (of 46) pages there are 34 significant typos and omissions that take the place of the 5 typos corrected from the original. This only underscores the observation that the 18th-century German Gothic typeface is obscure for the editors. The two indexes are partly unusable; not only are both full of omissions (the index of Russian examples omits almost 10% of the forms in the original, including more than half of the words starting with the letter Z as well as most of the examples for superlative and even the verb form *byt'*), but furthermore, the 'Index of Grammar Terms' is not what it says it is. The correct title would be 'Index of Latin Grammar Terms,' for it does not include German terms, with the result that there are no listings for terms relating to phonetics, normative style, etc. The text of the 1738–1740 grammar of the St. Petersburg Academy Gymnasium in the final supplement, although carefully retyped from B. A. Uspensky's book (1975), omits all of its commentaries—both explanatory and textological—which leads to presenting without comment letter sequences such as *renniakh*, *imennno*, *navodishish'*, etc. The article also discusses principles for the study and publication of the entire body of works that present

the St. Petersburg grammatical tradition of the period from the 1730s to the 1750s. Appendices to this article include publication of Adodurov's note on *er* and *er'* (1737) and the major corrections to the text of Russian grammar (1738–1740) from the St. Petersburg Academy Gymnasium as published by Uspensky in 1975.

Keywords

Vassily Adodurov, pre-Lomonosov Russian grammars, 1730s, textology, commentary, orthography

Снабди комментарием классика и цифры проставь на полях.
 Так будет читателю внятней, но, чтобы остаться в веках,
 И чтоб прояснить все, что можно, в каждой строке и меж них,
 И чтоб на тебя все ссылались, толкуя классиков стих,
 Добавь приложенья, введение, указатели (штуки три)
 И -слова: после-, преди-, между-, под-, над- и при-.

Из Христиана Моргентерна

В 2004 г. в отзыве на издание “Compendium Grammaticae Russicae” (1730) [КЕЙПЕРТ, НУТЕРЕР 2002] – ключевого памятника ранней академической традиции – Е. Э. Бабаева заметила: “[...] можно сказать, что в последние десятилетия изучение доломоновских грамматик русского языка стало едва ли не самой бурно развивающейся областью диахронной русистики” [БАБАЕВА 2004: 286]. Действительно, традиция, заложенная Б. А. Лариным и Б. О. Унбегауном, получила взрывное развитие после публикации Б. А. Успенским найденной им в Библиотеке Академии наук рукописной грамматики 1738–40 гг., предположительно атрибутируемой В. Е. Адодурову [УСПЕНСКИЙ 1975]. За прошедшие сорок лет в русских и зарубежных архивах исследователями (в их числе Б. А. Успенский, В. М. Живов, Г. Кайперт и др.) было найдено более десяти “доломоновских” русских грамматик и материалов к ним, что позволило Б. А. Успенскому уже в 1992 г. говорить, что долгое время представлявшая пустыней область “доломоновской” русской грамматики была на самом деле зоной активных трудов множества людей.¹ В. Е. Адодуров, главный герой книги Б. А. Успенского 1975 г., приобрел статус одного из ключевых лиц в этом процессе, и не только как автор

¹ “Кажется, описание русского языка было достаточно обычным занятием в первой пол. XVIII в. (особенно для иностранцев). Грамматик этих так много, что в них нетрудно потерять ориентацию” [УСПЕНСКИЙ 1992: 65] (см. перепечатку этой работы: [ИДЕМ 1997: 437–572]).

“первой русской грамматики на русском языке” (той самой рукописи, найденной Б. А. Успенским), но и как автор “первого печатного опыта Петербургской Академии наук в коллективном описании грамматики русского языка” (прелесть грамматических текстов этого периода в том, что почти каждый может в том или ином отношении претендовать на звание “первого”). “Anfangs-Gründe der russischen Sprache”,² изданные Петербургской Академией наук в 1731 г. как приложение к “Немецко-латинскому и русскому лексикону” (т. н. “Вейсманову”), за последние 50 лет очевидно перестали считаться “кратким пересказом на немецком языке” церковнославянской грамматики Мелетия Смотрицкого³ и заслуженно заняли место образца грамматической мысли России в послепетровское время.

Учитывая сказанное, научное издание этого памятника не может не вызывать интереса. Помещенный с помощью скрупулезного комментария в контекст предшествующих и последующих грамматик и параграмматических сочинений (таких, как записка Адодурова о Ъ и Ь 1737 г.; записка Х. Н. Винсгейма о транскрипции 1741 г.⁴ или полемико-грамматические сочинения Тредиаковского, Сумарокова и Ломоносова конца 1740 – 1750-х гг.), тщательно подготовленный текст “Первых начал”, снабженный качественным переводом и указателями, мог бы стать заметным вкладом в изучение “доломоносовских” грамматик. На первый взгляд, новейшее издание “Anfangs-Gründe” [Волков, Филиппов 2014] производит впечатление именно такого – добротного и фундированного – труда: читатель найдет здесь и репринт оригинала, и передачу его современным шрифтом, и перевод, и два специальных указателя, и четыре предваряющих статьи, и список литературы на 156 пунктов, и три приложения. К сожалению, внимательное ознакомление с книгой обнаруживает, что добротность эта лишь кажущаяся, а немногие положительные стороны издания почти полностью заслоняются многочисленными мелкими огрехами, досадными ошибками и неудачными решениями.

а) Датировка и атрибуция

При всей неловкости от необходимости проговаривать прописные истины приходится начать разбор именно с них. Атрибуция и датировка публикуемого текста – обязательный элемент научного издания.

² Здесь и далее текст источников цитируется по современным орфографическим и пунктуационным нормам. Помимо специально оговоренных случаев, исключения делаются для текстов в цитатах из новейших исследований и грамматических примеров.

³ Так (ошибочно) это сочинение охарактеризовано в [Ломоносов 1952: 859].

⁴ Атрибуцию см. в *Приложении 1* (прим. IX) к настоящей работе.

Мы можем с детства знать, что “Во глубине сибирских руд. . .” написано Пушкиным при отъезде в Сибирь жен осужденных участников декабрьского восстания 1825 года, но исследователь, готовящий это стихотворение для академического издания, обязан указать, на основании каких свидетельств (в отсутствие автографов и прижизненных публикаций) текст считается бесспорно пушкинским, а также уточнить его датировку по нескольким противоречивым источникам (от этого зависит, например, оценка свидетельства Е. П. Ростопчиной об экспромтном характере стихотворения) [Рогова 1991; Зубков 2009]. Подобные указания тем более необходимы, когда речь идет о тексте, опубликованном анонимно, свидетельства и исследовательские мнения об авторстве и времени создания которого неоднозначны.

Новейшие издатели русской печатной грамматики 1731 года ограничиваются в отношении ее атрибуции и датировки единственной фразой: “Трактат «Anfangs-Gründe der russischen Sprache» был написан студентом⁵ Академического университета Василием Евдокимовичем Адодуровым между 1729 и 1731 гг. и опубликован в Санкт-Петербурге в 1731 г.” (с. 7);⁶ никаких свидетельств или отсылок к исследованиям, подтверждающим эти сведения, в книге не приводится. Между тем, они не только не вполне точны, но и очень отчетливо показывают один из основных изъянов книги – игнорирование находок, сделанных исследователями доломоновских русских грамматик после книги Б. А. Успенского 1975 г., в результате чего авторами создается образ В. Е. Адодурова как выдающегося научного гения, закладывающего в том числе основы русской грамматической мысли.

Следует отметить, что служебных документов петербургской Академии наук, относящихся ко времени подготовки и издания “Вейсманова лексикона” и указывающих на причастность Адодурова к созданию “Anfangs-Gründe”, не известно. Долгое время атрибуция эта считалась основанной на предании; лишь в 1975 г. Б. А. Успенский предположил, что достаточным и “вполне достоверным” является позднейшее указание Г. Ф. Миллера в “Истории Петербургской Академии наук”, сообщающего: “[В приложении к номеру Санкт-петербургских ведомостей от

⁵ Именован Адодуров студентом для 1731 г., когда были созданы “Anfangs-Gründe”, связано с терминологической проблемой: после 1729 г. в штатных и платежных ведомостях он, как и другие сотрудники Академии наук, ранее фигурировавшие как “студенты”, не упоминается в этой должности ни разу; в любом случае, объем этого понятия никак не связан с современным – в 1731 г. Адодуров, как и другие “студенты”-сотрудники, не слушал лекций [Костина 2016]. Более корректным было бы выражение “сотрудник, исполняющий переводческие обязанности”.

⁶ Здесь и далее (кроме *Приложения 2* и прим. 25) номер страницы в скобках отсылает к рецензируемому изданию.

21 декабря 1728 г.] было также указано, что еще находятся в печати: [. . .] немецкая и русская грамматика, которая уже почти готова. Начато также печатание немецкого, латинского и русского лексикона [. . .] Автором (Verfasser) указанной грамматики был г-н Адодуров. Она состояла всего в нескольких листах, и хотя содержала лишь начальные основания русского языка (Anfangsgründe der russischen Sprache), но не была лишена своих достоинств. Ее напечатали в 4^о, чтобы приплести к словарю” [Миллер 1890: 170].⁷ Полная достоверность этого свидетельства (особенно – его датирующей части)⁸ может быть оспорена, и в первую очередь – ввиду находок и исследований Г. Кайперта конца 1980 – начала 2000-х гг., увенчавшихся изданием в 2002 г. рукописной грамматики “Compendium Grammaticae Russicae” 1731 года [Кейперт, Нутерер 2002]. Этот текст, представляющий собой первые разделы обширной русской грамматики, сохранившийся в записи на немецком языке и выправленный несколькими почерками сотрудников Академии наук (основная часть предположительно принадлежит М. Шванвицу; многочисленные исправления и дополнения сделаны неидентифицированным “красным глоссатором” – И.-Д. Шумахером или другим представителем руководства Академии, а также Адодуровым), интересен тем, что он показывает, а) насколько коллективной и важной в том числе для руководства Академии наук была работа по созданию русской грамматики в первые годы существования этого учреждения; б) что ключевую роль в этой работе играли не “природные” русские, а выходцы из немецкоязычных земель; в) что опубликованные в составе “Вейсманова лекси-

⁷ Оригинал на нем. яз.; перевод мой; ср. пер. Б. А. Старостина: [Миллер 2006: 588]. Б. А. Успенский лишь ссылается на этот отрывок, не цитируя его [Успенский 1975: 8, прим. 2]. Стоит привести оригинальный текст газетного объявления (немецкий – в оригинальной орфографии): “Sonst sind noch würrklich unter der Preße[. . .] eine Teutsche und Rußische Grammatic, welche beynahe völlig fertig ist. Auch hat man angefangen an einem Teutschen, Lateinischen und Rußischen Lexico” [SPZ 1728: 440]. “В прочем, печатается еще [. . .] немецкая и российская грамматика, которые почти совсем готовы. Такжеде начат немецкий, латинский и российский лексикон” [СПВ 1728: <3>].

⁸ Свидетельство Миллера предполагает как существенную часть атрибуции тождество между напечатанными в 1731 г. “Anfangs-Gründe” и грамматикой, о которой в газетном объявлении конца 1728 г. сообщалось, что она уже почти готова (немецкая фраза “welche beynahe völlig fertig ist” относится бесспорно к единственному сочинению – грамматике русского языка на немецком языке (“Teutsche und Rußische Grammatic”; ср. образованное по той же конструкции название изданной по-французски первой петербургской печатной грамматики русского языка – “Grammaire Française et Russe en Langue moderne” (1730)). Исследования Г. Кайперта показали, что подобное отождествление невозможно: “Anfangs-Gründe” были написаны не ранее 1731 г., поскольку не только в значительной степени основаны на коллективном “Compendium Grammaticae Russicae”, в работе над которым Адодуров выступал консультантом, а не автором, но и учитывают внесенную в “Compendium” в начале 1731 года редакторскую правку неизвестного “красного глоссатора”.

кона “Anfangs-Gründe” были в своей основе сокращенным изложением обширной коллективной грамматики, причем подготовленным в очень сжатые сроки (хронологическая последовательность двух грамматик бесспорна: сперва, не ранее начала 1731 г., был создан “Compendium”, и лишь затем — с учетом предложенных в нем уточнений, не позже 1 июня того же года⁹ — “Anfangs-Gründe”).

Как показывает Г. Кайперт, сам факт того, что Адодуров был лицом, отвечавшим за текст “Anfangs-Gründe”, не вызывает сомнения; между тем, работа его ни в коем случае не может оцениваться как самостоятельный труд: “Когда Адодуров в своем отчете в Академию 1737 г. ясно говорит, что он “verfertiget” (в русском параллельном тексте “сочинил”) “Anfangs-Gründe”, ему не могло не быть очевидным, что он стоит на плечах Пауса и Шванвица, которые, в свою очередь, не пускаясь в детали, также более или менее заимствовали “из различных авторов”. “Compendium”, являясь источником удивительно большого числа фрагментов “Anfangs-Gründe”, убеждает нас, что называть их принятым выражением “адодуровская грамматика” в смысле безусловного, распространяющегося на весь текст авторства, недопустимо” [КЕЙПЕРТ, НУТЕРЕР 2002, 122]. Говоря об отчете 1737 г., Г. Кайперт имеет в виду рапорт, поданный Адодуровым И. А. Корфу в 1737 г. В немецком тексте этого отчета, написанном собственной рукой Адодурова, труд над грамматическим приложением к “Вейсманову лексикону” описан так: “zum Beschluß desselben [Lexico] eine kurtze Rußische Grammatic unter dem Titel: Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache, verfertiget” [КЕЙПЕРТ, НУТЕРЕР 2002, 29].¹⁰ Передача слова “verfertiget” (подготовил) в русском варианте отчета словом “сочинил” (“сочинил я напечатанную при оном лексиконе сокращенную русскую грамматику на немецком языке, которая имеет следующий титул: Anfangs-Gründe der Russischen Sprache” [СПФ АРАН. Ф. 3, оп. 1, № 860, л. 35 об.–36]¹¹) не должна вводить в заблуждение. В XVIII веке сочетаемость и значение глагола “сочинить” были намного шире, чем в современном языке; значение творческого

⁹ Этим числом датировано предисловие к Вейсманову лексикону, где “Anfangs-Gründe” упоминаются как готовая часть словаря.

¹⁰ Ориг.: СПФ АРАН. Ф. 3, оп. 1, № 860, л. 24 об.–25. Г. Кайперту, как и новейшим публикаторам “Anfangs-Gründe”, осталась неизвестна его публикация Ю. Х. Копелевич [КОПЕЛЕВИЧ 1990], содержащая указания и на ряд других материалов, важных для биографии Адодурова. Поскольку текст цитат подготовлен мною по рукописи до знакомства с этой статьей, приводящей лишь русский текст отчета, при цитировании использована двойная отсылка. Впервые отчет упомянут и использован П. П. ПЕКАРСКИМ [1870: 507].

¹¹ Русский текст отчета записан писарским почерком; утверждать однозначно, что он составлен самим Адодуровым, а не переведен канцелярским переводчиком с немецкого, нельзя.

акта вовсе не было для него дефинитивным, что демонстрируют и употребление в рассматриваемом документе.¹²

Доводы Г. Кайперта о коллективном, а не индивидуальном, авторстве “Anfangs-Gründe” были приняты исследователями доломоновских грамматик; во всяком случае, печатные споры с ним по этому вопросу мне не известны; все авторы рецензий на издание “Compendium’a”, упоминающие “Anfangs-Gründe”, используют формулировки, тщательно обходящие вопрос авторства.¹³ Положение о непосредственной зависимости печатной грамматики 1731 г. от “Compendium’a” (но, по видимому, не о коллективном авторстве) было принято ранее и одним из авторов новейшего издания “Anfangs-Gründe”, его ответственным секретарем Н. В. Каревой, в работах которой 2011 г. можно встретить утверждение: “«Compendium Grammaticae Russicae» послужил основой для краткого грамматического очерка В. Е. Адодурова «Anfangs-Gründe

¹² “Сочиненные на немецком языке счеты” (in Teutscher Sprache **geführte** Rehnungen); “Кроме означенных трудов перевел я [. . .] при втором издании немецкия грамматики **сочинил** новый **перевод** оных” (Nächst diesem sind noch folgende Piesen von mir ins Russische **übersezet worden**: [. . .] Die zum Gebrauch des hiesigen Gymnasii ververtigte Teutsche Grammatic, wie dieselbe zum zweyten mal aufgelegt wurde); “описание **сочиненных от Исаака Брукнера** универсальных солнечных часов” (**Isaac Bruckners** Beschreibung einer Universal-Sonnen-Uhr); “изъяснение физических экспериментов, **сочиненное** господином **Крафтом**” (Das Hn. Professor **Kraffts** Erklärung der Physicalischen Experimente); “Механику, **сочиненную от** Гна Профессора **Крафта**” (Das Hn. Professor **Kraffts** Mechanic); “Ныне перевожу я **сочиняемую от** Гна профессора **Эйлера** Арифметику” (Jetzt übersetze ich die Arithmetic des Hn. Professor **Eulers**); “в том [Российском] собрании находящихся персон **сочиненные переводы** слушаю и по возможности в чем надлежит исправляю” (mein Möglichstes zur Verbesserung der **Übersetzungen**, die daselbst vorgelesen werden, beytrage) (СПФ АРАН. Ф. 3, оп. 1, № 860, л. 35 об.–37; 24 об.–26 [Копелевич 1990: 91–92]; немецкий текст в орфографии подлинника).

¹³ “Грамматический очерк, приложенный к так называемому Вейсманову лексикону”: “первая печатная грамматика русского языка для немецкоязычной аудитории, приложенная к Вейсманову лексикону (1731): к этому лингвистическому проекту В. Адодуров имел самое прямое отношение”; “грамматика, приложенная к Вейсманову лексикону” [Бабаева 2004: 287, 288, 290]; “краткое описание русского языка, изданное в 1731 г. в приложении к Вейсманову лексикону”; “краткий грамматический очерк, напечатанный в приложении к Вейсманову лексикону” [Живов 2004в: 145]; “грамматическая работа, [. . .] которая [. . .] представляет собой сокращенный вариант «Compendium’a», “первая русская грамматика, напечатанная в России и вышедшая в качестве приложения к Лексикону Вейсмана” [Ралева 2005: 87, 89]. Показательно, что вопрос об авторстве “Anfangs-Gründe” в связи с публикацией “Compendium. . .” обходится молчанием в подготовленном Е. Э. Бабаевой под ред. В. М. Живова новейшем комментарии к “Российской грамматике” Ломоносова (“Академия наук издает Вейсманов лексикон (1731) с приложенным к нему кратким очерком русской грамматики; готовит «Compendium Grammaticae Russicae» [Ломоносов 2011: 737]). Относящуюся ко времени до издания “Compendium Grammaticae Russicae” полемику Б. А. Успенского с отказом Г. Кайперта называть прямо автора “Anfangs-Gründe” см. в [Успенский 1992: 147].

der Russischen Sprache» (1731)” [КАРЕВА 2011б: 11].¹⁴ Однако в очерке того же автора “В. Е. Адодуров и формирование грамматической традиции в России первой половины XVIII века”, помещенном в рецензируемом издании (с. 30–36), эта информация исчезает вовсе: “Compendium Grammaticae Russicae” описывается здесь кратко лишь как один из опытов грамматической работы в Академии наук, никак не связанный с очерком в “Вейсмановом лексиконе”; более того, “Anfangs-Gründe” прямо охарактеризованы как “оригинальное грамматическое сочинение В. Е. Адодурова” (с. 31–32). Никаких следов эксплицитной полемики с позицией Г. Кайперта в книге обнаружить не удастся.

Таким образом, приводимая в издании информация о времени создания и авторстве публикуемого текста не только не верна (он должен атрибутироваться не как оригинальный труд Адодурова 1729–1731 гг., а как подготовленный им в первой половине 1731 г. на основании коллективного “Compendium Grammaticae Russicae” краткий очерк),¹⁵ но сознательно вводит читателя в заблуждение умалчиванием результатов известных авторам исследований в пользу их собственной концепции, в которой равновеликий Ломоносову “выдающийся русский ученый, просветитель, государственный и общественный деятель, математик, филолог, переводчик, журналист, педагог, почетный академик Императорской Академии наук” (с. 5) выступает как “культурный герой XVIII столетия, творец и новатор, который одним из первых русских людей понял, что добиться всеобщего уважения и известности, высокого положения в обществе можно не только знатным происхождением, успешной придворной или военной службой, личной преданностью сильным мира сего, но и интеллектуальной, научной деятельностью” (с. 29).

б) Подготовка текста

Фундаментом любой научной публикации памятника служит его текст, главное требование к подготовке которого (идет ли речь о дипломатической передаче каждой описки, пунктуационного знака, выносной буквы, или об

¹⁴ Передача того же тезиса в полном тексте диссертации и статье “Становление традиции грамматического описания русского языка (1730–1750-е гг.)” позволяет предположить сомнение: “В монографии, предваряющей издание «Compendium Grammaticae Russicae», Г. Кайперт указывает, что публикуемый им текст послужил основой для написанного по-немецки грамматического очерка В. Е. Адодурова (1709–1780) «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache»” [КАРЕВА 2011а: 25–26; 2011в: 102].

¹⁵ В настоящей рецензии, с учетом коллективного авторства “Anfangs-Gründe”, Адодурову атрибутируются только те фрагменты грамматического приложения к Вейсманову лексикону, которые не находят себе соответствий в “Compendium Grammaticae Russicae”.

адаптации старого текста к новому алфавиту и орфографической/пунктуационной системе) заключается в тщательности и неуклонном следовании выработанным публикатором принципам. К сожалению, в отношении и того, и другого новейшее издание “Anfangs-Gründe” не выдерживает критики.

Прежде всего, кажется странным эксплицированный издателями подход к подготовке текста. Уже в первых строках книги сказано, что он “впервые публикуется [. . .] в современной латинской графике” (с. 5), затем предлагается считать недостатком репринтных публикаций 1969 и 1983 гг. [DREI GRAMMATIKEN 1969; WEISMANN'S LEXIKON 1983]¹⁶ то, что в них “текст набран готическим шрифтом, малопонятным современному читателю” (с. 6). И наконец, работа по подготовке текста охарактеризована следующими словами: “Читателю предлагается не один, а три «варианта» [. . .] текста [. . .] Второй¹⁷ – текст на немецком языке в современной графике, представляющий собой результат внутриязыкового перевода [Якобсон 1978: 17],¹⁸т. е. «перекодировки» устаревших и малопонятных современным читателям готических символов (фрактур) с помощью латинских графем. Подобная работа была выполнена «вручную» участниками проекта” (с. 6).

Столь пышная формулировка позволяет сделать нехитрый и удручающий вывод: участниками издания компьютерный набор¹⁹ текста,

¹⁶ В случае с последним изданием и в основном тексте, и в списке литературы публикаторы “Anfangs-Gründe” ошибочно указывают датой выхода 1982 г., в котором был выпущен только первый том публикации из трех выпусков.

¹⁷ Первый и третий – это, соответственно, репринтное воспроизведение и русский перевод. – А. К.

¹⁸ Приведенная ссылка на статью Р. О. Якобсона “О лингвистических аспектах перевода” в данном случае неуместна, поскольку в ней под “внутриязыковым переводом” понимается “интерпретация вербальных знаков с помощью других знаков того же языка”, когда для передачи семантики “используется либо другое слово, более или менее синонимичное первому, либо парафраза” [Якобсон 1978: 17]; о применении различных графических (даже не орфографических) систем речи здесь не идет. – А. К.

¹⁹ По-видимому, “вручную” означает “не вычитанный по автоматически распознанному сканированному варианту”. Стоит заметить, что сличение списка лиц, ответственность которых за подготовку различных разделов издания указана в редакционном предисловии, и лиц, перечисленных в поле ответственности на обороте титульного листа, показывает, что участвовавших в подготовке текстов О. В. Лебедеву и М. Г. Маматову редакторы не считают ответственными участниками издания. При этом подготовленное при участии М. Г. Маматовой в качестве приложения (с. 233–254) воспроизведение текста т. н. “грамматики Адодурова” 1738–1740 гг. по [Успенский 1975] – вызывающий наименьшее число нареканий раздел книги. Возражение вызывает лишь выбранное редакторами решение приводить текст по незначительно отступающей от оригинала публикации (см. Приложение 2), а не рукописному подлиннику, при этом без текстологических примечаний Б. А. Успенского, в отсутствие которых текст во многих местах теряет смысл; как бы то ни было, искажения, внесенные в текст выбранного источника при подготовке рецензируемого издания, минимальны.

напечатанного кажущимся им малопонятным²⁰ немецким шрифтом XVIII века, представляется самостоятельной заслугой. Уделив столь много места рефлексии над проблемами соотношения печатных график разных эпох, собственно принципам публикации издатели отводят лишь несколько строк: “Все особенности авторской орфографии и пунктуации, в том числе удвоение согласных (ср. нем. *Neßßim* — русск. Герасимъ), были сохранены. Сохранена характерная для «Anfangs-Gründe» контаминация немецкой и латинской филологической традиции — «непоследовательное» написание названий падежей и некоторых грамматических терминов то с прописной, то со строчной буквы” (с. 6–7).

Принципы эти в издании неоднократно нарушаются, причем в том числе, как кажется, и потому, что у издателей нет достаточного навыка чтения текста в старой немецкой печатной графике. Так, в первом же предложении “Anfangs-Gründe”, предваряющем русскую азбуку словами “*deren [Buchstaben. — A. K.] Bildung und Nennung folgende ist*”, прописная *N* в слове *Nennung*, по-видимому, в силу непривычности для публикаторов ее готического варианта, передана как “К” (с. 94; ориг., с. 3²¹). Во фразе “*Aus angeführten Exempeln läßt sich schon ersehen*” слово *ersehen* из-за нечетко пропечатанных в нем двух первых букв²² и, по-видимому, непривычки к наличию у “готической” *z* нижнего выноса передано как *zu sehen* (с. 108; ориг., с. 10). Можно полагать, что именно непривычкой к чтению готического шрифта следует объяснять набор *b* вместо *d* в слове *oder*; *v* вместо *d* в слове *dergleichen*, или *nun* вместо *nur*²³ и др. В ряде случаев эти ошибки отражаются на сопровождающем публикацию переводе.²⁴

²⁰ Употребление применительно к печатной фрактуре выражения “малопонятный шрифт” представляется очень неудачным, поскольку, с одной стороны, характеризует освоение ее как что-то сложное, а с другой — отказывает современным читателям в способности получить этот навык. Кажется, в подобных случаях стоило бы говорить не о “внутриязыковом переводе”, а об “облегчении обозрения тем, которые не привыкли” к нечасто используемому в обиходе шрифту (формулировка заимствована из: [СРЕЗНЕВСКИЙ 1866: 18]).

²¹ Здесь и далее сокращение “ориг., с.” отсылает к странице в оригинальном издании “Anfangs-Gründe” 1731 г.

²² В печатном подлиннике (использован экземпляр БАН 1731/4) вторая буква (*r*) бледная, но хорошо читается; в монохромной копии она перестала читаться.

²³ “**пре** *oder* **все** hinzusetzet”: ориг., с. 12, ср. с. 112; “*dergleichen* sind nun **домъ** das Hauß”: ориг., с. 20, ср. с. 128; “*welche Wörter allein in Singulari und welche wiederum nur blosserdings in Plurali decliniret werden*” (ориг., с. 22, ср. с. 132; курсив мой. — А. К.).

²⁴ Так, фраза “*deren Bildung und Nennung folgende ist*” переведена как “образование и обозначение которых выглядит следующим образом” (с. 95; ср. в современном наборе “*Kennung*”; правильно было бы “изображение и название которых. . .”); “*Aus angeführten Exempeln läßt sich schon ersehen*” — как “Приведенные приме-

Самым ярким примером невнимания издателей к графике и содержанию оригинала может служить передача на первой же странице в составе предлагаемого “Anfangs-Gründe” алфавита названия русской буквы *Г*. В то время как в оригинале под ней отчетливо читается “Hlagol”, в современном наборе это слово передано как “Glagol” (с. 94; ориг., с. 3). Между тем, фонетическая характеристика русской буквы *Г*, передающей как фрикативный (*h*), так и взрывной (*g*) звуки, — один из самых интересных фрагментов “Anfangs-Gründe”, неизменно привлекающий внимание исследователей, в том числе и новейших издателей этой грамматики (ср. с. 6, 33, 40, 42). В качестве нормативного чтения “Anfangs-Gründe” предписывают фрикативный вариант (ср. первый пример: “Герасимъ, ließ Herašim”), а для взрывного предлагают ввести особую букву *Г̇*. Поэтому и в алфавитной таблице в названии буквы *Г* закономерно используется литера *H*, передающая фрикативность. Эта неоправданная (и идущая наперекор заявленным публикационным принципам) замена литеры в таком ответственном фрагменте, как алфавит, свидетельствует, как кажется, не только о плохом знакомстве публикаторов с готической печатной графикой, но и о крайне небрежном редактировании издания.

Заявленный в предисловии дипломатический принцип подготовки текста (“все особенности авторской орфографии и пунктуации [. . .] были сохранены”), требующий от издателя максимальной тщательности, реализован в книге так, что заставляет считать это публикаторское решение крайне неудачным. Прежде всего, сличение оригинала и современного набора показывает, что в немецком тексте исправлены явные опечатки, при том что в предисловии эти конъектуры оговорены только для русского перевода: “Авторы стремились [. . .] перевести текст памятника [. . .] максимально близко к оригиналу [. . .] При работе над текстом были поправлены некоторые явные опечатки, а именно: *свѣтъиашая* вместо *свѣтъишая* (с. 11), *гребень* вместо *гребнь* (с. 49), *Socrates* вместо *Socrate* (с. 51), ошибочное употребление *ь* вместо *ъ* в таблицах и некоторые другие”²⁵ (с. 7). О том, насколько (не)тщательной была работа с текстом, можно судить хотя бы по тому, что приведенный здесь список опечаток неверен в каждом из четырех случаев. На с. 11 оригинала лишняя буква набрана в слове *святѣиашая*, а не *свѣтъиашая*

ры позволяют увидеть” (с. 109; ср. в современном наборе “zu sehen”; правильно было бы “. . . позволяют заключить”); “dergleichen sind nun **домъ** das Hauß” — “можно сравнить, например, **домъ** (das Hauß)” (с. 129; ср. в современном наборе “vergleichen”; правильно было бы “подобного рода, например. . .”).

²⁵ Сведения об остальных исправленных опечатках издания можно получить лишь при сличении оригинала и современного набора: за двумя исключениями (см. прим. 27 и с. 278) текстологический комментарий в издании отсутствует.

(и, соответственно, верным будет чтение *святѣишая*); написание *гребнь* встречается на с. 26, а не 49; слово ‘Socrates’ на с. 27 (а не 51²⁶), в соответствии с латинской нормой, напечатано с отчетливой ‘s’ на конце. Наконец, упомянутое “ошибочное употребление ь вместо ъ в таблицах”²⁷ на самом деле свидетельствует о невнимании издателей к шрифту оригинала. Дело в том, что русский шрифт “Anfangs-Gründe” использует для ъ литеру с верхним выносом (Ъ), а литеру ь полностью помещает в высоту строчных (ь); таким образом, в нескольких случаях в таблицах (см. ориг., с. 14, 18, 24) при проложенных табличных линейках, действительно, верхний элемент оказался приподнят и не пропечатался, отчего буквы имеют вид (Ъ). Между тем, поскольку основной дифференциальный признак двух литер — высота мачты — сохраняется, говорить об опечатке в этих случаях неуместно.

Небрежность, проявившаяся в редакторской статье, описывающей принципы издания, в полной мере отразилась и на самом тесте. Отступления от принципа точного следования авторской орфографии и пунктуации на сверенных мною 23 страницах (с. 94–138; ориг., с. 3–25) встречаются в общей сложности 461 раз, в пределах от 4 до 81 на странице. В это число входят не только относительно безобидные случаи пропуска или замены знаков препинания, непоследовательность применения курсива или сохранения написания строчных/прописных букв, в целом отчасти проясняющие текст и приближающие его к современному читателю. Значительно важнее, что всего лишь на 23 страницах (в тексте, немногим превышающем условный авторский лист) допущено 34 грубых ошибки (опечатки, неверные чтения и пропуски).²⁸

²⁶ В оригинале всего 48 страниц. Поскольку для 26-й и 27-й страниц оригинала указаны отсутствующие в нем номера 49 и 51, можно предположить, что в данном случае отсылка сделана к рабочему компьютерному файлу, содержащему немецкий текст (начинающийся в оригинале со с. 3) на четных и русский — на нечетных страницах (при этом в счет страниц идут отдельный титульный лист и его пустой оборот; таким образом, соответствия страниц оригинала и этого билингвального файла будут составлять прогрессию: 3=3, 4=5, 5=7, 6=9 [. .] 26=49, 27=51). Возможно, список опечаток составлялся в два этапа: сбою пагинации в нем соответствует разнობой в подаче ошибочных и исправленных вариантов: в первом и четвертом случаях ошибочный вариант указан впереди; во втором и третьем — в конце.

²⁷ Это же чтение отмечено в одном из текстологических примечаний, к набору страницы 18 оригинала: “В оригинале ошибочно Ъ” (с. 124).

²⁸ Приведу основные из них, помимо уже указанных: на с. 94 (ориг., с. 3) в списке гласных: “а, е, и, ѓ, о, в одег у” пропущена буква “о”; на с. 104 (ориг., с. 8) в списке подтитловых сокращений раскрытие сокращения “Очкъ” набрано как “Отеческій” вместо “Отечеськъ” оригинала; сокращение “Прркъ” оригинала передано как “Прркъ”; на с. 116 (ориг., с. 14) в толкующей передаче грамматической омонимии “**прилѣжныхъ учениковъ** derer fleißigen Schüler und die fleißigen Schüler” пропущено значение винительного падежа (“und die fleißigen Schüler”); на с. 132 (ориг., с. 22) в описании третьего склонения, к которому “Anfangs-Gründe” относят

Для текста с единственным (печатным!) вариантом подобное качество подготовки лежит далеко за гранью любых стандартов, применяемых не только в научной, но и газетной редакции.²⁹

в) Комментарий

Еще одним обязательным или, во всяком случае, ожидаемым элементом научной публикации памятника, помимо атрибуции, датировки и тщательно подготовленного текста, считается комментарий. Признают его важность и новейшие издатели “Anfangs-Gründe”. Указывая на недостатки предыдущих (репринтных) публикаций этого сочинения [DREI GRAMMATIKEN 1969; WEISMANN'S LEXIKON 1983], мотивирующие их труд, они замечают: “В переизданиях «Anfangs-Gründe» 1969 и 1982 гг. отсутствует справочно-информационный аппарат, необходимый для эффективной исследовательской работы с текстом (индексы, комментарии)” (с. 6). Об индексах придется сказать отдельно ниже; что касается комментария, то он не только не выделен в самостоятельный раздел издания, но и постраничные сноски приведены новейшими издателями лишь пять раз.

Из этих пяти примечаний относительно удачным можно признать лишь одно — сделанное на с. 107 к предложенному “Anfangs-Gründe”

существительные, заканчивающиеся на -ь в номинативе и на -и в генетиве, во фразе “Alle Wörter so folglich hiernächst zu selbiger gehören sind *Generis Feminini*” пропущено слово *gehören*, а в таблице этого склонения в д. п. мн. ч. вместо верного *ямъ* оригинала набрано *мъ* (т. е. верной признается форма *лошадмъ*). Из многочисленных опечаток приведу наиболее курьезную: на с. 118 (ориг., с. 15) вместо “*дядька* der Hofemeister (sic! — А. К.)” оригинала набрано “*дядька* der Hozemeister” (причиной могло стать неразличение написаний *fi* с оригинальным шрифтом). Все эти ошибки набора и подготовки текста сохранены русским переводом.

²⁹ Для сравнения можно указать, что в превышающем сверенный мною фрагмент в восемь раз основном тексте “Краткого руководства к красноречию” из “Полного собрания сочинений” М. В. Ломоносова [1952: 89–378] подобных ошибок допущено немногим больше (40). Для текста относительно небольшого объема сопоставимое число ошибок принимается (на грани фола), если он публикуется впервые и его источником служит рукопись, и то лишь в том случае, если публикатор работал по фотокопиям без физической возможности обращения к подлиннику [Живов 1991]. Между тем, даже в подготовленном Б. А. Успенским по фотокопиям (с рукописи, изобилующей описками и исправлениями) тексте грамматики 1738–1740 гг., несколько превышающем сверенный мною фрагмент новейшего издания “Anfangs-Gründe”, неточностей (грамматически значимых опечаток; пропусков слов; неверных чтений) и количественно, и качественно несравнимо меньше, чем у публикаторов печатного “Anfangs-Gründe” (см. Приложение 2). На сверенных мною десяти первых страницах выполненной Г. Кайпертом публикации “Compendium Grammaticae Russicae” (БАН F 250, с. 1–18) [КЕРПЕРТ, НУТЕРЕР 2002: 137–146], отражающей текст с многочисленными вариантами нескольких почерков, подобных неверных чтений можно найти только два (с. 142, строка 3: *šmotrjet* — верно *šmotrjetj*; с. 145, стр. 2–3: “*g vor a, o v. u*” — верно “*g vor a, o und u*”; верный вариант приведен в текстологическом примечании).

списку слов женского рода, образованных с помощью суффиксов из слов мужского рода (*королева, госпожа, хозяйка, львица, повариха, бо-гиня, хвастунья*; см. ориг., с. 9). Комментаторы замечают: “эти имена практически без изменения порядка переписаны М. В. Ломоносовым в «Материалах к ‘Российской грамматике’»”. При всей важности этого сопоставления, не отмеченного В. Н. МАКЕЕВОЙ [1961: 107], остается непонятым, удалось ли новейшим издателям “Anfangs-Gründe” сделать другие дополнения к истории использования Ломоносовым грамматического очерка из “Вейсманова лексикона”; почему только одно попало в комментарий; а также почему в нем не оказался представлен вовсе сопоставительный материал петербургской грамматической традиции первой половины XVIII века.³⁰ Не решает последней проблемы и включенная в том специальная статья Н. В. Каревой “В. Е. Адодуров и формирование грамматической традиции в России первой половины XVIII века” (с. 30–36), большая часть которой посвящена имманентному описанию грамматических взглядов Адодурова, а не сопоставительному анализу.³¹

Примечание на с. 99 к тексту “**Ъ** Wird nicht pronunciret, jedoch gleichsam als ein Custos zu Ende eines Worts [. . .] beibehalten” (ориг., с. 5), толкуя тривиальный случай использования издательской лексики обширной цитатой статьи “Custos” из словаря Аделунга 1811 г. и замечанием: “По-видимому, В. Е. Адодуров хотел показать, что буква **Ъ** могла означать конец графического слова”, существенно обедняет содержание комментируемого отрывка.³²

³⁰ Так, для списка слов “королева, госпожа. . .” Г. Кайпертом восстанавливается его генетическая связь с грамматикой И.-В. Пауса, “Teutsche Grammatica” (1730) М. Шванвица, рукописью “Compendium Grammaticae Russicae” и т. н. грамматикой Гренинга [КЕРПЕРТ 1995; КЕРПЕРТ, НУТЕРЕК 2002: 88–89, 176].

³¹ Если не считать уместающегося на двух первых страницах краткого обзора ранних петербургских академических грамматик, сопоставительный материал представлен здесь пятью случаями, причем лишь в одном дается точная отсылка к соответствующему материалу (о характере произношения *Г* в “Российской грамматике” Ломоносова).

³² Помимо сомнительной ориентации издателей на нормативный словарь начала XIX века для характеристики немецкого языка конца 1720 – начала 1730-х (ср. убийственную характеристику диалектно окрашенного языка издателей “Вейсманова лексикона” у Г. Ф. Миллера [1890: 170; 2006: 588]), отмечу, что выбранная в комментарии модальность неверна. Адодуров не “*по-видимому, хотел* показать, что *Ъ* *может* означать конец слова”, а прямо утверждает, что использование этой буквы в финальной позиции подобно издательскому обычаю повторять первые буквы одной страницы на нижнем поле предыдущей (так оформлено и оригинальное издание “Anfangs-Gründe”; новейшие издатели кустод не сохраняют). Этот конвенциональный обычай Адодуров отличает от оправданного (вводится словами “bisweilen auch. . .”) случая использования *Ъ* в середине слова перед гласной (*подъемлю*). Конвенциональный характер употребления *Ъ* в конце слова подчеркнут Адодуровым в записке 1737 г.: “ко всем словам, на согласную

Наконец, комментарий “В оригинале буква **Ъ** отсутствует” (с. 98), сделанный к тексту “**Ъ** Wird wie ein halb verschlungenes **J** ausgesprochen” (ориг., с. 5), не соответствует действительности: *Ъ* отчетливо читается и в печатном оригинале, и в приложенной к изданию копии (с. 48), и в большинстве других воспроизведений оригинала “Anfangs-Gründe”,³³ по технической особенности репринта буква пропущена лишь в составе тома, изданного в Б. О. Унбегауном [DREI GRAMMATIKEN 1969]. Это обстоятельство заставляет задуматься, на каком этапе работы и в каком объеме использовался печатный оригинал.

г) Справочный аппарат

Как уже сказано, одним из достоинств своего труда новейшие издатели “Anfangs-Gründe” считают присутствие в нем “справочно-информационного аппарата, необходимого для эффективной исследовательской работы с текстом (индексов)”. Действительно, А. А. Ветушко-Калевичем, М. В. Корышевым и К. В. Манёровой для книги составлен “Индекс грамматических терминов «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache» В. Е. Адодурова” (с. 186–188), а Н. В. Каревой — “Индекс русских примеров «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache» В. Е. Адодурова” (с. 189–200).

К сожалению, ни для одного из указателей не приведены принципы составления или правила использования. Если о том, что номера в указателях на с. 186–200 отсылают к страницам оригинального издания, можно догадаться по одному из примечаний на с. 8, а в качестве основания для включения в издание указателя русских примеров можно принять тот тезис, что “объективное исследование корпуса примеров в грамматиках русского языка, написанных не на русском языке, всегда представляет новые и содержательные сведения для исторической лексикологии и лексикографии” (с. 11), то необходимость появления в издании “индекса грамматических терминов” не обоснована

кончающимся, по всеобщему обыкновению на конце поставляется”; курсив мой; см. Приложение 1), а в грамматике 1738–1740 гг. с апелляцией к нему же будет предложено “почитать сей знак в нашей азбуке за излишний [...] ежели бы он из числа наших литер *общим согласием* был выключен, то бы [...] не произошло от того в изображении наших речей литерами никакой неспособности” [Успенский 1975: 96] (курсив мой; см. также: [ивд.: 35–36, 177–178]). Можно было бы добавить, что в “Суде российских писмен” Ломоносов сравнивает *Ъ* на конце слова с “пятым колесом” [Ломоносов 1952: 388].

³³ 1) [WEISMANN'S LEXIKON 1983: <61>]; использована цифровая копия издания в собрании Баварской государственной библиотеки: http://daten.digital-sammlungen.de/~db/0004/bsb00047114/image_61; 2) Цифровая копия фотокопии экземпляра из собрания Британской библиотеки: <https://books.google.ru/books?id=COYzAQAAMAJ>.

вовсе.³⁴ Стоит сказать, что название это неточное: приложенный к изданию указатель следовало бы озаглавить “Индекс грамматических терминов на латинском языке”, поскольку в него не включен ни один из активно используемых в “Anfangs-Gründe” немецких грамматических терминов. Фронтальная сверка текста оригинала с указателем показывает, что его составители использовали исключительно формальный принцип отбора: в индекс вошли лишь слова, набранные в оригинале латинским (легко визуально вычленимым в основном немецком тексте) шрифтом. Между тем, краткое описание русской грамматики 1731 г., как верно замечают издатели, было создано в “уникальной ситуации полиязычности и поликультурности, сложившейся в Академии наук” (с. 220; см. также с. 12) в первые годы ее существования, и одним из существенных следствий этой ситуации, отразившейся в первых академических изданиях, стало взаимное влияние латинской и немецкой терминологии (в случае с грамматическим текстом усложнявшееся живой традицией церковнославянской грамматики³⁵). В “Anfangs-Gründe” можно встретить и прямые указания на дублетность (“mit denen *Numeralibus* oder *Zahlen*”, ориг., с. 21), и изменение латинских терминов в немецкой огласовке и по немецким парадигматическим моделям (*compariren* (о прил.), *Conjugation*, *Contrahirung*, *decliniren*, *Flection*, *Termination*; “bey der irregulairen Comparation”³⁶ (ориг., с. 12), “3 Personen” (ориг., с. 39), и т. д.; только в немецкой графике встречается в “Anfangs-Gründe” слово *Grammatic*, не попавшее в указатель), и активное использование немецких аналогов латинской лексики (*Endigung* наряду с *flexio*; *Folmul* наряду с *paradigma*, и др.). Показательно, что специфичные для русской грамматики явления, не находящие прямых аналогов в латинской грамматической традиции, передаются в “Anfangs-Gründe” немецкими терминами (ср., например, дифференциацию одушевленности / неодушевленности: *von lebendigen Sachen*; *von leblosen Sachen*). Создание двуязычного индекса не только более полно отразило бы корпус грамматической лексики памятника, но и позволило бы зримо увидеть ту вариативность лингвистического метаязыка, с учетом которой в XVIII веке вырабатывалась русская грам-

³⁴ Вряд ли в качестве подобного обоснования можно признать прим. 10 на с. 11, тавтологично сообщающее о наличии указателя в книге.

³⁵ Единственное упоминание грамматического индекса в редакторских статьях издателей “Anfangs-Gründe” (с. 11) связано со случаем передачи представленного в грамматике Мелетия Смотрицкого термина “припряжногласные” (описывающего литеры Ъ и Ь) — латинской калькой “*vocales adjunctae*”.

³⁶ При цитировании возможных немецких вхождений предлагаемого мною расширенного индекса лингвистической лексики “Anfangs-Gründe” сохраняется орфография оригинала.

матическая терминология. С учетом этого обстоятельства, возможно, более выигрышным было бы описание в форме индекса не только более узкой грамматической, но и в целом лингвистической лексики. В такой указатель вошли бы слова, отражающие в “Anfangs-Gründe” различные явления семантики (*Benennung, Bedeutung, Bildung, exprimiren, Kraft, Nachdruck, Nennung, zeigen*), этимологии и словообразования (*formiren, Formirung, fremdes (Wort), nachachmen, Ursprung*); но прежде всего — очень богатый пласт фонетической терминологии (в “Индексе” отражены только единичные латинские термины: *consonans, diphtongus, positio, vocalis*), — слова со значениями звонкости / глухости / мягкости / твердости (*gelinde, hart, sanft, schlecht, stark*), редуцированности (*bald verlieren, halb verschlungene, zusammen gießen*), слоговой организации (*Silbe, in der Mitte, zu Ende, von Anfang*) и ударности (*Accent, beruhen, hafften, ruhen*³⁷), а также терминология нормативной грамматики, проводящей дифференциацию между явлениями церковнославянского и русского языков (на то, что основной интерес “Anfangs-Gründe” связан именно с этой дифференциацией, новейшие издатели памятника неоднократно указывают). Минимально представленная в латинском слое “Anfangs-Gründe” (см., например: *Genius (der Rußischen Sprache; ориг., с. 15)*,³⁸ *Libri Ecclesiastici* (ориг., с. 5), *Slavonismus* (ориг., с. 26); ни одно из этих выражений не вошло в указатель), соответствующая лексика обильно используется в немецком тексте на всем его протяжении. Это и общие термины употребительности (в т. ч. включения и выхода из употребления: *adhibiren, bedienen, exulieren, Gebrauch, Gewohnheit, gewöhnlich, nicht recipiren, oft pflegen, übergehen*), и стилистические характеристики (*Accurateße, greßlich, natürlich, schön, zierlich*³⁹), и терминология, указывающая на славянский/русский характер языковых явлений (*neu Druck, neu Schreibart, pur Slavonisch, Slavonisch*). Несмотря на это замечание и некоторую неточность (в 32 случаях на 798 вхождений пропущены страницы или даны неверные отсылки), приложенный к новейшему изданию “Anfangs-Gründe” указатель латинских грамматических терминов может быть использован как рабочий инструмент.

Этого нельзя, к сожалению, сказать об указателе, составленном Н. В. Карева. При том, что русские примеры представлены в “Anfangs-

³⁷ В частности, лексика, описывающая ударность, сосредоточена во фрагменте, где, как отмечает Н. В. Карева, “В. Е. Адодуров первым из русских грамматистов отметил подвижность ударения как отличительную особенность склонения существительных женского рода, оканчивающихся на ударный гласный” (с. 34).

³⁸ См., например, предметный указатель к: [Живов 1996] на статью “Дух языка”.

³⁹ Значение для “Anfangs-Gründe” стилистической оппозиции *greßlich-zierlich* вслед за Б. А. Успенским специально рассмотрено в новейшем издании памятника (с. 9).

Gründe” 1 689 словоформами, в указателе отсутствуют 66 (4 %) из них. В том числе — почти вся парадигма прилагательного *добрый*; примеры образования будущего времени без глагола *быть* (*имею писать, стану писать*), треть примеров образования сложного императива (*пускай они имеют, пускай они побудут*). Технический характер носит, по-видимому, пропуск всех (15) словоформ, расположенных по алфавиту от *здесь* до *золото* (в том числе вся парадигма слова *земля*). Особенно не повезло формам превосходной степени прилагательного. Из 41 приводимого в “Anfangs-Gründe” примера образования суперлатива в указателе можно найти только 27. И если отсутствие форм типа *самый чистый* можно понять как реализацию принципа,⁴⁰ то более чем странный отбор составителем примеров с приставкой *все-*,⁴¹ непопадание в указатель всех примеров с двойной приставкой *всепре-* (*всепречестный, всепречестнейший*), а также отсутствие одного из трех примеров с приставкой *наи-* (*наилучший*) оставляет чувство недоумения, которое усиливается тем более, что в числе других многочисленных пропусков в указателе не удается найти, например, неопределенную форму глагола *быть*.

Помимо этого, указатель Н. В. Каревой грешит неоднократными ошибками в отсылках к страницам, а также неверными написаниями отсылочных слов (в том числе грамматически значимыми).⁴² В общей

⁴⁰ Все восемь примеров расписаны в указателе через составные части суперлатива (отдельно *самый* и *чистый*). По отсутствию в указателе также составных форм *имею писать* и *стану писать* можно предполагать, что здесь мы имеем дело именно с принципом, хотя и не последовательно выдержанным: словоформы (а не примеры) описаны с учетом грамматического статуса образуемых ими единиц. Соответственно, в качестве самостоятельных цельных форм записаны сложные формы будущего времени и императива (*будем верить, пускай они имеют*) и даже числительное *семь миллионов*. Однако, этот нигде не описанный принцип выдержан непоследовательно (два из шести примеров сложного императива в указателе пропущены), а из-за его реализации, помимо “миллиона” (из примера *семь миллионов*), искать в индексе на букву *С* приходится также слово *пятнадцать* (*сто пятнадцать*).

⁴¹ Адогуров предлагает в качестве допустимых две формы — *всечестный* и *всечестнейший*, а о четырех — *всебогатый, всевысокий, всемногий, всеострый* — сообщает, что так “не говорят” (*sagt man nicht*; предпочтение отдается формам с приставкой *пре-*). В указателе попали только три “неправильных” формы; обе “правильные”, а также *всемногий* здесь отсутствуют.

⁴² Так, вслед за неверным набором текста (см. прим. 28) в указателе сделана отсылка к словам *отеческий* (верно — *отеческъ*) и *четырьмя* (верно — *четырьмя*). Прежде всего это замечание относится к явной непоследовательности в передаче написаний *и/й*. При том, что указатель в целом следует здесь за текстом оригинала, многочисленные, но непоследовательные отступления от него показывают, что для составителя осталось несущественным то обстоятельство, что “Anfangs-Gründe” стали изданием, закрепившим использование самостоятельной литеры *Й* в русской печати; само ее появление в наборе типографии Академии наук было связано с работой над этим трудом (знак краткости отсутствует в первых двух печатных листах; появляется как диакритический элемент набора в третьем, и лишь

сложности число различных ошибок (пропусков отсылочных слов, указание неверных страниц и пропуск верных, ошибочное написание или дублирование отсылочного слова) в указателе русских примеров, который должен был бы включать 1948 вхождений, составляет 158 (8 %), что не позволяет говорить о нем как о сколько-нибудь надежном исследовательском инструменте.

* * *

Несколько затянувшийся разбор неудач новейшего издания “Anfangs-Gründe der russischen Sprache” вряд ли стоит продолжать. Можно было бы сказать и о том, что подход к подготовке текста, проявившийся в основном тексте памятника, сказался и на текстах, опубликованных в приложениях;⁴³ и о том, что недобросовестная подготовка текста и нежелание его комментировать отразились на страдающем излиш-

с четвертого присутствует в составе самостоятельной литеры Й; см. подробнее: [КЕИРЕТ 1999]).

⁴³ Не останавливаясь специально на перепечатанном в 1-м Приложении биографическом очерке П. П. Пекарского об Адодурове (в том именно месте (с. 212), где Пекарский сообщает об “Anfangs-Gründe”, новейшие публикаторы допускают опечатку в сообщении о годе выпуска Вейсманова Лексикона (1737 в. верного 1731 в оригинале), однако считают нужным отметить в качестве неточности польскую передачу Пекарским фамилии А. С. Буд(з)иловича, подтверждаемую официальными документами конца 1860-х гг. и связанную с биографией ученого [Григорьев 1870: схх; Фомичева 2014: 38]), замечу, что составляющий Приложение № 2, рекомендованный издателями как “редкий документ” (с. 5), “неизвестные ранее черновые варианты” (с. 13) и “уникальный документ” (с. 219) план обучения прибывших в Петербург из Славяно-греко-латинской академии семинаристов, предложенный Адодуровым И. А. Корфу в сентябре 1736 г., не только достаточно известен по исследовательской литературе, но и опубликован как в немецком, так и в русском вариантах [Материалы 1886: 169–170; Морозов 1962: 196, 445–446]. Единственным дополнением, которое можно было бы сделать к не упомянутому в книге предшествующим публикациям, могло бы быть точное указание местонахождения документов и описание вариантов по не упоминавшемуся ранее беловому списку немецкой редакции записки (публикация в [Материалы 1886], воспроизводящая тот же немецкий автограф Адодурова, что и новейшее издание, отсылает только к тому архивного дела; А. А. Морозов указывает лишь листы документа на русском языке; все три документа сохранились в составе дела: СПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 18, лл. 101–101 об. (русский текст); 420–21 (немецкий автограф Адодурова); 422–423 (беловой список немецкого текста)). Это, между тем, не только не сделано, но публикация: а) выполнена с многочисленными искажениями текста (опечатки; неверные чтения; пропуски слов; передача существительных в немецком тексте со строчных букв, и пр.); б) сопровождается противоречивыми и в обоих случаях неверными указаниями на листы оригинала, легко различимые в приложенном факсимильном воспроизведении (“Л. 101–102, 420–421” (с. 13), “л. 100–101 и 101–102” (с. 221) вместо верного “101–101 об., 420–423”); в) ничего не сообщает о двух списках немецкого текста записки (разночтения белового списка, помимо орфографических, включают два ошибочных употребления пассивных форм *gesetzt werden* вместо *gesetzt worden* автографа). О приложении 3 см. прим. 19, 48.

ней модернизированной переводом;⁴⁴ и о странных интерпретациях исторических фактов;⁴⁵ и о многом другом, — все это мало прибавило бы к основной оценке труда. Если один из рецензентов неоднократно уже упомянутого издания 2002 г. “Compendium Grammaticae Russicae” замечает, что оно “подготовлено в лучших немецких традициях скрупулезной тщательности (ἀκριβεια, по-немецки Akribie)” [WORTH 2004: 402], то в случае с книгой под редакцией С. С. Волкова и К. А. Филиппова можно говорить об образцовой небрежности, амелии (ἀμελεια), дух которой отразился на всех составных частях этого издания. С учетом

⁴⁴ Помимо случаев, отмеченных в прим. 24 и 28, приведу пример не вполне удачного перевода текста с первой же страницы оригинала. Сообщая в начале своего очерка алфавит из 41 буквы, Адодуров говорит о них: “Es sind von denen Russen in ihrer Sprache bis daher 41 Buchstaben als gebräuchlich angenommen worden [. . .] Dieses sind also die Russischen Buchstaben, doch sind selbige nicht alle in gleichem Gebrauch”, после чего делает предположение о ненужности шести букв. Очевидно, что в этом контексте выражение “bis daher [. . .] als gebräuchlich angenommen worden” указывает на алфавит старого типа, которому противопоставляется новый узус (верный перевод фрагмента был бы: “Русскими в их языке до сих пор были приняты как употребительные 41 буква [. . .] Итак, вот русские буквы, но они не все схожи употреблением”: ориг., с. 3). Это диахронное понимание языка, чувство переломности своей эпохи и ориентация на узус, характеризующие “Anfangs-Gründe” с первых же предложений, нивелированы в переводе Л. Н. Григорьевой: “К настоящему времени русские приняли в качестве употребительных для своего языка 41 букву [. . .] Таковы русские буквы, но не все они одинаково используются” (с. 95). Следует также отметить, что русский перевод названия грамматического очерка, предложенный на титульном листе Вейсманова лексикона (“Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка”), едва ли не предложенный самим Адодуровым, не сохранен издателями (ср. титульный лист новейшего издания: “«Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» или «Первые основания российского языка») и не упоминается в их статьях, хотя выражению *Anfangs-Gründe* в книге посвящена отдельная глава (с. 14–15).

⁴⁵ Издателями (лицо, общее для всех приведенных случаев — С. С. Волков) несколько раз подчеркивается, что Адодуров “скорописной готикой не владел: его рукописи на немецком написаны антиквой” (с. 6; ср. также с. 221). Перенесение на рукописную практику начала XVIII века терминов общественного спора о немецком печатном шрифте второй половины XIX века вряд ли оправдано, тем более что немецкие рукописи Адодурова написаны традиционным готическим курсивом начала XVIII века [Таценко 1982]; на латинский почерк он переходит лишь для латинских и французских слов. Сделанное С. С. Волковым на с. 28–29 предположение о том, что по социальному происхождению Адодуров был не дворянином, а однодворцем, анахронично, поскольку применяет имущественный (лишь к 1710 г. оформившийся в качестве фискального; однодворцы будут составлять разряд государственных крестьян в 1724–1731 гг., а затем самостоятельную податную группу) термин в качестве социальной характеристики [Лазарев 2014: 218–223]. Более того, из полного текста цитируемого С. С. Волковым документа (тех именно фрагментов, что отмечены в его статье пропусками: см. прим. 46) очевидно, что на момент подворной переписи 1710 г. в клад были положены два двоюродных деда Адодурова, Игнатий и Андрей, отец же его, о котором сказано недвусмысленно: “Ижерской канцелярии [. . .] в армии. Поместья за ним 230 чети”, уже к 1710 г. никак не мог быть отнесен к однодворцам даже как фискальной категории. За консультацию по этому вопросу благодарю А. М. Феофанова и Я. А. Лазарева.

этой особенности вряд ли стоит задаваться вопросами, почему авторы считают возможным сослаться на архивные документы, с которыми они не ознакомились *de visu*,⁴⁶ почему в списке литературы есть досадные лакуны, а отдельные его пункты составлены явно ошибочно, и пр.⁴⁷

Каким вопросом стоит задаваться, — это насколько типично для российской науки подобное отношение к филологической работе, значительно ли выделяется разбираемый труд на общем фоне и заслуживает ли он действительно серьезной критики. Знакомство с работами об Адодурове-лингвисте, опубликованными в России за последние десять лет, заставляет признать, что в некотором роде издание ИЛИ РАН и

⁴⁶ В листах использования т. н. грамматики Адодурова 1738–1740 гг. (БАН 16.7.3) и “Compendium Grammaticae Russicae” (БАН F 250), упомянутых в книге под своими шифрами (с. 31, 35), нет записей ни одного из участников издания. Исползованные в биографическом очерке С. С. Волкова об Адодурове (с. 28) материалы переписи 1710 г., судя по некорректному оформлению пропусков в тексте, совпадению его в остальном с материалами интернет-сайта, посвященного этому источнику, и неверному указанию пагинации, процитированы не по оригиналу или его микрофильму (РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, № 1040, л. 71 об.–72), а по одному из воспроизведений в Интернете, восходящему к странице: http://census1710.narod.ru/perepis/1209_1_1040.htm. Для подтверждения этого тезиса достаточно привести полный текст записи, выделив пропуски в тексте, совпадающие у С. С. Волкова с тиражированной онлайн-публикацией (полужирное выделение); указанные в онлайн-публикации, но отсутствующие в его статье (полужирный курсив); и собственные сокращения, также не оговоренные (курсив): “Деревни Букреевой недоросль [слово *недоросль* вписано между строк. — А. К.] полковой сотенной службы Игнатей Потапов сын Ададуров 35 лет. Жена Агафья 30 лет. **Нового окладу на нем два рубли**. У него дети: Михайла 7 лет, **нового окладу на нем восемь алтын**, Андреян 2 лет. А он Игнатей, увечен: правая рука переломлена. За ним во оной деревне вочпе с племянником Ижерской концелярии Евдокимом Ададуровым один [у С. С. Волкова и в онлайн-публикации — “1”. — А. К.] двор крестьянский **да дворовых людей мужеска полу 2 человека, женска 2 человека**. Он Евдоким в армии; поместья за ним 230 чети. Да у него ж Игнатья брат родной Андрей 16 лет, **жена Афросинья 20 лет. Нового окладу на нем рубль.**” — при передаче текста не оговаривается раскрытие подтитловых сокращений и перевод чисел из буквенной записи в цифровую. Наконец, на записку Адодурова о буквах Ъ и Ь дана неверная отсылка: “СПбФ АРАН, разряд I, опись А-10, л. 10–11”. На самом деле шифр — разряд V, оп. А, № 10/1, л. 1 (возможна также отсылка вида Разр. V, оп. А-10, № 1, л. 1); в деле всего один лист, он представляет собой копию конца XIX – начала XX века со списка XVIII века, опубликованного Б. А. Успенским — СПбФ АРАН, разр. I, оп. 76, № 7, л. 1–1 об. (см. Приложение 1). В листе использования на деле из разряда V есть расписка С. С. Волкова, для него была также снята копия; дело из разряда I участниками издания использовано не было. См. также прим. 45

⁴⁷ Упомянутая С. С. Волковым как одно из изданий, где можно искать биографические сведения об Адодурове, “коллективная монография «Lomonosov und grammatische Beschreibung im 18. Jahrhundert» [Норвасн, Фрейдноф, Коста, Шнүтримрф 1983]” (с. 18; ср. также с. 207, где тот же труд описан как статья четырех авторов) представляет собой на самом деле статью Г. Кайперта в фешт-рифте О. Горбачу: [Кейрект 1983]. В числе пропущенных издателями трудов, анализирующих грамматическую терминологию “Anfangs-Gründe” в широком контексте ранней русской грамматической традиции, следует назвать книги В. М. Живова [Живов 2004А] и Т. Дайбера: [Дайвер 1992]. См. также прим. 10.

СПбГУ — большой шаг вперед в освоении новейших достижений в области изучения доломоносовской грамматики. В странном мире русской провинциальной ("туземной" в терминологии [Соколов, Титаев 2013]) вузовской науки, где могут появиться работы, посвященные разбору словообразовательных взглядов Адодурова [Арискина 2011], в которых список использованной литературы представлен только одной, изданной почти за сорок лет до этого, книгой; где бурная история исследований ранней русской грамматики почти полностью игнорируется, а из всех грамматических текстов Адодурова анализируется только один (опубликованный Б. А. Успенским) [Никитин 2009; Саввина, Телкова 2009; Даниленко 2009: 9–11; Хроленко 2013: 35–36], — в мире этом появление книги, вводящей в широкий научный оборот (пусть и не в идеальном переводе) памятник академической доломоносовской грамматики (охватывающий к тому же все ее области, а не только фонетику и общие начала морфологии); книги, в которой, к тому же, кратко реферируются основные работы, опубликованные по этой теме после 1975 года, — может, пожалуй, приветствоваться при всех ее многочисленных недостатках. Очень хочется, чтобы студенты,⁴⁸ которым сегодня придется заниматься ранним этапом русской грамматической традиции, оказались бы завтра не в мире науки одного языка и на одном языке, провинциально изолированном и застывшем в прошлом, но в большом мире волнующих поисков и невероятных свежих находок, в котором направления исследований не ограничены языковыми барьерами и навыками чтения старого шрифта и рукописей. Приветствуя и призывая это светлое будущее, не могу между тем не высказать сомнения в том, что затерявшееся между двумя мирами новейшее издание "Anfangs-Gründe der russischen Sprache" сможет существенно поспособствовать его приходу.⁴⁹

⁴⁸ Относительно приведенного в приложении 3 по книге Б. А. Успенского (см. прим. 19), неудобочитаемого из-за исключенных издатели текстологических примечаний (их остаточные следы можно найти на с. 239, 240, 243, 250), текста т. н. грамматики Адодурова 1738–1740 гг. издатели замечают: "главная задача переиздания — познакомить современных филологов, особенно молодых, с этим замечательным памятником русской письменной культуры XVIII в." (с. 231). Хочется надеяться, что для знакомства с ним молодые филологи все же выберут книгу Б. А. Успенского, разыщут ее электронную копию в Интернете или же — бывают ведь и чудеса — откроют саму рукопись.

⁴⁹ Значительным вкладом в изучение "доломоносовской" русистики является новая транскрипция основополагающего для этой области памятника — рукописи "Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache" (1729) И. Пауса, — подготовленная в предварительном виде Г. Кайпертом и А. Хутерер и переданная ими в 2016 г. в виде распечатки в ОР БАН и ИРЯ РАН. Надеемся, что высказанные исследователями в сопроводительном письме опасения о том, что "издатели путем произвольного «усовершенствования» неясных мест могут приписать беззащитному автору даже мысли, которые ему чужды", не остановят ученого, который в будущем пожелал бы опубликовать этот текст. Для такой публикации необходимы, однако, дополнительные поиски, и прежде всего — беловой рукописи труда Пауса (Прим. редакции).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

В. Е. Адодуров. [Записка о Ъ и Ь]

Единственным известным грамматическим текстом В. Е. Адодурова с явным указанием авторства можно считать записку о Ъ и Ь, написанную им 11 марта 1737 г. Сохранился не только ее текст, но и достаточно хорошо известны обстоятельства ее появления.

4 марта 1737 г. в петербургской Академии наук был получен отправленный накануне пакет от настоятеля городской церкви в Мемеле и члена Берлинской академии наук Иоганна Арнольда Паули (Pauli, 1682–1741).ⁱ В пакете, помимо формального обращения к президенту Академии И.-А. Корфу с просьбой получить во временное пользование словарь хорватского языка (“Lexicon Illyricum”) из собрания покойного И.-В. Пауса, было помещено письмо к Г.-З. Байеру, продолжавшее давнюю переписку двух ученыхⁱⁱ и изъяснявшее дело более подробно. В приписке к этому письму Паули просил, “чтобы кто-нибудь из тамошних русских ученых определил подлинную природу и употребление Ъ и Ь в славянской азбуке”, мотивируя эту просьбу тем, что он хочет в своем обозрении сарматских языков “иметь в основании сарматский алфавит в применении к польскому диалекту”.ⁱⁱⁱ При том, что многочисленные запросы Паули Байер начал исполнять уже в день получения письма, особый запрос о двух славянских буквах (по-видимому, вместе с оригинальным письмом) был направлен Канцелярией Академии в Конференцию (собрание профессоров) только 7 марта. Однако 11 марта по приказу президента Канцелярия запросила оригинал письма назад для передачи адъютанту Адодурову. Его ответ был передан в архив Конференции 14 марта. Ко 2 мая Г. З. Байером и И. А. Корфом были подготовлены ответы Паули, причем пересылаемое ему “мнение” по его запросу рекомендовалось как подготовленное Российским собранием.^{iv} Наконец, 8 июля в архив Конференции Байером было переда-

ⁱ В 1710-х Паули был инспектором лютеранских проповедников при русском генералитете (генерал-штабс-пастор русской армии); впоследствии был известен лингвистическими штудиями [ARNOLDT 1746: 174–175; НАРТКОРФ 1992: 272; БЕСПАТЫХ 1991: 63, 85; WINTER 1954]; уточнение о месте рождения Паули (не в Йоханнисбурге, как повторяется в справочниках, а в Каршау под Кенигсбергом) по его собственной записке см.: [SEMVRITZKI 1903: 206].

ⁱⁱ Два письма Паули к Байеру, от 17 мая 173 и от 6 января 1737 гг., предшествовавшие запросу о Ъ и Ь, см.: СПФ АРАН. Ф. 784. Оп. 2. № 5, лл. 46–46 об, 120–120 об. См. также [Протоколы 1897: указатель].

ⁱⁱⁱ “P. S. Noch eine bitte: Ew. Hoch. besorgen doch, daß jemand der dortigen Rußischen Gelehrten *vim genuinam et omnimodam* des Jer ind Jerj in der Slavonischen Az, *Buki* aussetzte. Ich will bei der *Collatione Lingu. Sarmatarum ein Alphabetum Sarmaticum, juxta dialectum Polonom* zum Grunde nehmen, dazu mir obige Observation sehr dienlich wäre” (СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 25, л. 18; ср. снятую в канцелярии Академии наук копию: л. 21 об.).

^{iv} СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 22, л. 176–177. Российское собрание названо в письме Корфа “Rußische Gesellschaft”, а у Байера — “die Gesellschaft zur Verbefierung der

но другое письмо Паули, где содержалось его собственное рассуждение о Ъ и Ь (“Anmerkung über Jer und Jeri, 1 ½ Seiten in 8vo”),^v которое предлагалось представить суждению Российского Собрания, что, по-видимому, сделано не было: [Протоколы 1897: 366, 368, 369, 371, 386, 407]. Таким образом, можно с уверенностью говорить, что записка была написана Адодуровым ad hoc как ответ на срочный запрос Президента Академии наук; неизвестно лишь, на каком языке она была представлена в Конференцию и переводилась ли. Несмотря на то, что большинство документов, связанных с этим эпизодом ученой корреспонденции Академии наук, сохранилось в ее архиве, подлинник заметки Адодурова неизвестен — в частности, его нет в протокольных бумагах Конференции Академии наук февраля-июля 1737 г. и в делах Канцелярии за январь-июнь того же года (СПФ АРАН. Ф. 1, оп. 2 (1737), №№ 2, 3, 4; Ф. 3, оп. 1, №№ 28, 29, 438).

Текст записки известен по единственному, позднему списку (СПФ АРАН. Разр. I, оп. 76, № 7, л. 1–1 об.). Судя по бумаге (IAS Pro Patria / [Pro Patria — дева и лев ориентированы направо] | GR [под короной]), список выполнен в первой половине 1750-х гг.^{vi} Записка сохранилась в составе

Rußischen Sprache”. Судя по этим указаниям, между 11 и 14 марта записка Адодурова обсуждалась в этом органе Академии наук.

^v “Daß ich mir die Freyheit genommen [habe] nach dem Unterscheid und Gebrauch der Buchstaben zu fragen, Ъ und Ь, *Jer et Jeri*, war die Hofnung etwas mehrers davon zu erfahren, als theils in den *allegirten* Gründen der Rußischen Sprache, theils in *Ludolfs Grammatica Russica* davon gefunden, indem ich nur erfahren wolte, ob dieselben bey einem algemeinen *alphabeth* vor alle *Sarmatische Dialectos* entweder müsten beybehalten, oder könnten wegen gelaßen werden. / Die Nothwendigkeit das *Jer* beyzubehalten, rathet der augenscheinliche Nutzen bey dem Buchstabieren, deutliche Aussprechen, und leichten Zergliederung derer Zusamengesetzten Wörter, daher zu wünschen wäre, daß es auch bey den deutschen möchte können eingeführt werden, um denen Ausländern in diesem Stücke die Erlernung der Sprache zu erleichtern. / Das *Jeri* scheint fast in allen Sprachen der *Sarmater* unentbehrlich zu sein, weil sie ihre meiste *Consonantes* in gewissen Wörtern weich zu machen sich genöthiget sehen, die Ungern thun solches durch ein *ÿ*, die Polen, theils durch ein kurz *i*, theils durch einen *acutum* bey *b', m', n', s'*. Vielleicht könnte demselben, nach Arth derer // Griechen, durch ein *Jota Subscriptum*, oder *literae inscriptum*, abgeholfen werden. / Künftig werde mich darüber weiltäufiger erklären, und mir das Gutachten und hochgeneigten Rath von der Hochlöblichen Gesellschaft der Rußischen Sprache aus bitten” (СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 25, л. 73–73 об.; ср. копию на л. 90–91 и краткую отсылку к этой заметке в письме к Байеру: л. 69 об., 87). Текст публикуется в орфографии подлинника; знак “/” означает конец абзаца; “//” — конец страницы. Курсивом выделены фрагменты, записанные в подлиннике латинским шрифтом. Русский перевод см. в прим. xv.

^{vi} Наиболее ранняя датировка этой бумаги — 1751 г. (см. водяной знак № 660 в: [Клепиков, Кукушкина 1971]); ср. документ: СПФ АРАН. Ф. 3, оп. 1, № 461, л. 458–459: определение Канцелярии Академии наук о печатании “сделанного профессорами старых лет третьего надесять тому Комментариев” от 9 ноября 1751 г.). Помимо упоминаемых ниже документов ср. также сборник со списками на этой бумаге стихов и газетных сообщений в связи с рождением вел. кн. Павла Петровича в 1754 г. (БАН 16.8.4, л. 1–8, 18, 27, 72–101, 104; ср. [Мартынов 1980: 109]) и рабочие записи Ломоносова, сделанные, по-видимому, ок. 1752 г.: а) “Материал заготовить: 1. Белой фритты. . .”; б) “Бобыль. / Вепрь. . .”; “ай, ей, ой, уй, йй, лей, лйй” (СПФ АРАН. Ф. 20, оп. 1, № 5, л. 55–56; ср.: [Меншуткин 1940: 12, 17; Ломоносов 1952: 660–661]).

связки (№ 76) бумаг Конференции Академии наук рядом с документами, относящимися к различным конфликтам В. К. Трелиаковского 1755 г. [ПЕКАРСКИЙ 1873: 174–198; ГРИНБЕРГ, УСПЕНСКИЙ 2001; УСПЕНСКИЙ 1984]. В этом комплексе на той же бумаге записан “Ответ [Сумарокову] на письмо о сафической и гораианской строфах” [СПФ АРАН. Р. I, оп. 76, № 9]. Известно также, что та же бумага была использована в 1753 г. в списке “Псалтири” Трелиаковского, отправленном им в 1754 г. для получения разрешения на издание в Синод [Погорелов 1901: 165].^{vii} Можно предполагать, что записка о Ъ и Ь входила в комплекс конфликтных материалов Трелиаковского как оправдывающий его документ. В этом убеждает прежде всего то, что составляющая вместе с ней тетрадь записка Х. Н. Вингейма о польской транскрипции русского алфавита (СПФ АРАН. Разр. I, оп. 76, № 7, л. 2–3; список выполнен тем же почерком на родственной бумаге: (GR [под короной] | Pro Patria IAS / [Pro Patria — дева и лев ориентированы налево]^{viii}), текст которой относится к 1741 г.,^{ix} находит общее с предвещающим ее текстом лишь в одном: в обоих утверждается, что произношение литеры Ь представляет собой укороченную \dot{I} (в записке о Ъ и Ь: “Литера Ь [. . .] имеет половинный звон гласной \dot{I} ”; в записке о транскрипции: “Ь [. . .] где сия литера случается, там над предыдущею согласною ставится акцент (’), и потому произносится она мягко; так, будто бы за тою согласною \dot{I} стояло”^x).

^{vii} Рукопись хранится в РГАДА (ф. 381, № 1037). Бумага с филигранями “IAS” и “Pro Patria” обоих типов (с ориентацией фигур направо и налево) использована здесь для страниц (в рукописи отсутствует полистная нумерация) 3–10, 63–112, 191–366, 415–446, то есть составляет большую часть листов рукописи (135 из 236).

^{viii} Бумага с этой филигранью датируется 1752–1756 гг. (см. водяной знак № 614 в: [Клепиков, Кукушкина 1971] — письмо Н. Головкина из Гааги от 30 окт. 1752 г. и список новгородского летописного свода, выполненный в Академии наук к 1756 г.). На бумаге с этой филигранью написаны также письма Ломоносова к И. И. Шувалову от 3 марта 1752 г. и к П. И. Шувалову 10 мая 1753 г. (СПФ АРАН. Ф. 20, оп. 3, № 55, лл. 1–4).

^{ix} Вингейму документ этот можно надежно атрибутировать на основании записей в протоколах Конференции Академии наук от 27 и 29 мая 1741 г.: “27 мая из Канцелярии получено предложение г. проф. Вингейма о том, каким образом при подготовке Генеральной карты порядочно установить, как русские буквы должны употребляться в других языках [. . .] 29 мая, согласно мнению г. Юстиц-советника Гольдбаха и многих других профессоров о том, что подготовленное г. проф. Вингеймом предложение об использовании русских букв в иностранных языках, собственно, надлежит до Российского собрания, а также должно быть оценено опытными переводчиками Св. Синода, г. советник Шумахер взял это сочинение для передачи в Канцелярию” [Протоколы 1897: 682–683]. Ср. запись о поступлении в Канцелярию Академии наук на подлинном немецком документе: “Praes. d. 6. Jun. 1741” (СПФ АРАН. Разр. I, оп. 23, № 19, л. 1).

^x СПФ АРАН. Разр. I, оп. 76, № 7, л. 3. Ср. немецкий текст: “Wo dieser Buchstabe vorkommt, da wird auf den vorhergehenden *consonantem* ein *accent* (’) gesetzt und derselbe als dann gelinde und als wenn noch ein j hinten an wäre, ausgesprochen” (СПФ АРАН. Разр. I, оп. 29, № 13, л. 2; варианты на снятых, по видимому, в 1741 г. при подаче записки в Канцелярию копиях (на бумаге с филигранями “КОМЕРЦЬ | КОЛЕГИИ” [Клепиков 1959: № 309]): там же, л. 4, 5 об., 7 об). На одном из приложенных к записке Вингейма дополнительных вариантов транс-

Эта мысль отражена в статье Третьяковского о правописании окончаний прилагательных, где направлена против критики в эпиграмме “Искусные певцы всегда в напевах тшатся. . .”:^{xi} “Да видят теперь эпиграмками играющие, коль праведно и основательно они оглашают небесную, по их же, красоту нашего языка, что будто он ищет всегда себе увольнения от (и), и приводят в пример [. . .] только некоторые народные и стихотворческие вольности, каковы суть сии: иль вместо или, спать вместо спати. Да знают, наконец, что знак сей (ь) есть не что иное, как то ж самое (и), но токмо ослабленное звоном”.^{xii} Если две записки действительно составляют часть апелляционных документов Третьяковского, можно предполагать, что он использовал их в качестве официальных нормативных документов, прошедших через Канцелярию и Конференцию Академии наук, для подтверждения своей правоты.^{xiii}

По большей части материал, представленный в записке, находит себе соответствия в рукописном “Compendium Grammaticae Russicae” [КЕРПЕРТ, НУТЕРЕР 2002: 59–61, 149–151] и упоминаемых в начале ее текста “Anfangs-Gründe der russischen Sprache” (ориг., с. 5), при этом весь иллюстративный материал заимствован из последних. Поскольку запрос Паули не содержал никаких ясных вопросов к “русским ученым” о Ъ и Ь, Адодуров был вполне волен в выборе материи. Судя по тому, что за несколько часов составитель “Anfangs-Gründe” сумел не только повторить тезисы своего давнего труда и положения “Compendium Grammaticae Russicae”, но и добавить к ним два достаточно нетривиальных тезиса,^{xiv} которые можно найти также в русской грамматике академической гимназии 1738–1740 гг. [УСПЕНСКИЙ 1975: 32–37], соответствующий фрагмент мог быть в распоряжении Адодурова уже в марте 1737 г.

Показательно для нормативного характера “Anfangs-Gründe”, что, несмотря на отсутствие в этом пособии явных предложений отказаться от использования Ь в финальной позиции, Паули воспринял соответствующий

литерации (см. там же, л. 9–10) литера Ь, в соответствии с указаниями записки (“сїя литера не ставится потому, что она никакого звону не имѣеть”; ср. нем.: “wird weggelassen, weil es gar keinen Laut hat”: СПФ АРАН, Разр. I, оп. 76, № 7, л. 3; там же, оп. 23, № 19, л. 2), в таблице отсутствует, а Ь предлагается записывать с помощью *i* (СПФ АРАН. Разр. I, оп. 29, № 13, л. 9).

^{xi} Ср.: “ищет наш язык всегда от *И* свободы: // Или уж стало *иль* [. . .] // *спать* мы говорим за *спати* [. . .] // Языка нашего небесна красота // Небудет никогда по-пранна от скота” [Ломоносов 1959: 542]. Третьяковский, по-видимому, считал автором эпиграммы Сумарокова [Успенский 1984].

^{xii} СПФ АРАН. Разр. I, оп. 76, № 6, л. 3 об. Приведен начальный текст статьи. Публикацию с правкой см.: [ПЕКАРСКИЙ 1866: 105–106].

^{xiii} Более подробно вопрос о документах, связанных с конфликтами Третьяковского в 1755 г., рассматривается мною в статье “Материалы о конфликтах В. К. Третьяковского 1755 г. как документальный комплекс”, предназначенной в 29-й сборник “XVIII век”.

^{xiv} 1) О характере составных слов, в середине которых пишется Ъ (“которые состоят из предлога, кончающегося на согласную, и из слова, начинающегося с гласной”), с соответствующими разъяснениями, и 2) о строгой количественно-временной характеристике произношения Ь (“оную выговаривать должно в половину времени против того, в какое гласная *І* произносится”).

фрагмент Адодурова именно в этом ключе, чем и был вызван исходный запрос, сколько можно судить по ответной заметке Паули.^{xv} Не вполне понятно, уловил ли Адодуров этот скрытый вопрос, — во всяком случае, объяснение природы финального Ъ дано в записке более отчетливо, чем в пособии 1731 г. (сравнение с кустомом заменено на слова о «всеобщем обыкновении» — см. прим. 32). Можно предполагать, что именно заостренный ответной запиской Паули вопрос о подлинной пользе двух букв стал поводом к появлению в грамматике 1738–1740 гг. явного предложения не употреблять Ъ на конце слова.

О записке впервые упомянул П. П. ПЕКАРСКИЙ [1870: 506]; публикация, предполагавшаяся исследователем, списавшим ее в конце XIX – начале XX вв. [СПФ АРАН. Разр. V, оп. А, № 10/1, л. 1], не состоялась; факсимильное воспроизведение оригинала с частичной транскрипцией опубликовано Б. А. Успенским [1975: 32–37]. В настоящей публикации при передаче текста сохранена орфография оригинала, за исключением следующих случаев: а) правописание прописных и строчных букв приведено в соответствие с современными нормами; для передачи однолитерных буквенных символов использованы прописные буквы; б) слитные/раздельные написания предлогов приведены в соответствие с современными нормами; для слитных в оригинале написаний предлогов, оканчивающихся на согласную, Ъ при раздельном написании не восстанавливается; в) выносные буквы внесены в строку; Ъ и Ь после выносных согласных восстанавливаются; г) не различаются символы У и Ъ. Пунктуация приведена в соответствие с современными нормами; случаи замены знаков препинания оригинала оговорены в постраничных примечаниях. Подчеркнутые слова и символы оригинала переданы курсивом. Внесенные публикатором в текст символы (пунктуационные знаки; Ъ и Ь после выносных согласных; раскрытие аббревиатуры) набраны полужирным шрифтом.

^{xv} “Что я принял смелость задать вопрос о разнице и употреблении букв Ъ и Ь (ер и ерь), было то в надежде узнать нечто большее, чем то что сообщается, с одной стороны, в упомянутых основаниях русского языка [т. е. “Anfangs-Gründe” 1731 г.; имеется в виду, по-видимому, упоминание в записке Адодурова. — А. К.], а с другой — в *Grammatica Russica* Лудольфа [ср. [LUDOLF 1696: 7–8; Лудольф 1937: 117–118; Ларин 2002: 550]. — А. К.], причем я лишь хотел узнать, должны ли они быть оставлены в универсальном алфавите сарматских языков, или от них можно отказаться. / Необходимость сохранить Ъ подсказывается очевидной пользой в письме (Buchstabieren), четком произношении и более легком разборе составных слов; оттого было бы желательно, чтобы то же по возможности было введено и у немцев, чтобы в этом отношении облегчить иностранцам обучение языку. / Ь, кажется, необходим почти во всех сарматских языках, поскольку для большинства их согласных в определенных словах приходится отмечать мягкость: венгры используют для этого Ъ; поляки или краткое *i*, или акуп при *b'*, *m'*, *n'*, *s'*. Возможно, для того же можно было бы использовать, по обычаю греков, иоту подписную или вписанную в букву. / В будущем я объясню это более подробно и буду просить отзыва и обстоятельного совета у высокопочтенного общества русского языка [т. е. Российского собрания. — А. К.].” Нем. текст см. в прим. V. За помощь в подготовке текста и перевода записки Паули сердечно благодарю Р. Марти.

* * *

/1/ О разности и употребленіи литеры Ъ и Ь, сколько потребно, объявлено уже въ первыхъ основаніяхъ російскаго языка, при здѣшнемъ лексиконѣ пріобщенныхъ, однако о литерѣ Ъ примѣчать надлѣжитъ слѣдующее:^A

1) Что она совсѣмъ не выговаривается,

2) Что она въ сложныхъ словахъ, которыя состоятъ изъ предлога, кончающагося на согласную, и изъ слова, начинающагося съ гласной, съ предлогомъ ставится, и такимъ образомъ она не токмо ясно показываетъ, изъ какихъ особенныхъ словъ состоитъ сложное слово, но и различаетъ согласную, которую^B предлогъ кончится, отъ гласной послѣдующаго слова;^C слѣдовательно, весьма много способствуетъ къ правильному произношенію такихъ сложныхъ словъ, напримеръ: въ словѣ *подъемлю*,^D которое слагается изъ предлога^E *подъ* и глагола *емлю*, различаетъ литеру Ъ, между сими двумя словами въ срединѣ поставленная, части, оное сложное слово составляющія; при томъ же показываетъ, что литеру Д при произношеніи принадлѣжитъ къ предыдущей гласной О, а не къ послѣдующей Е, и тако читается *подъ-емлю*,^F а не *по-демлю*.

3) Что ко всѣмъ словамъ, на согласную кончающимся, по всеобщему обыкновенію на концѣ поставляется, токмо в произношеніи предъ идущей согласной не дѣлаетъ ни малѣйшей^G перемѣны.

Литеру Ь отъ литеры Ъ какъ начертаніемъ, такъ и употребленіемъ разнствуетъ и имѣетъ /1 об./ половинной звонъ гласной І, ибо оную выговаривать должно в половину времени противъ того, въ какое гласная І произносится; изъ сего слѣдуетъ, что литеру Ь сама собою, равно какъ и литеру Ъ,^H никакого звону не имѣетъ, но токмо предыдущую согласную в произношеніи нѣсколько умяхчаетъ, и потому сія литеру въ старинныхъ славенскихъ грамматикахъ съ довольнымъ основаніемъ за совершенную гласную не положена, но токмо за такую литеру почтена, которая нѣкоторымъ образомъ къ гласнымъ

^A в ориг. -;

^B в **которою** последняя **о** записана *поверх* **выскобленного** [у ?]

^C в ориг. - ,

^D **подъ** записано из **выскобленного** [нрзб.]

^E Слово *приходится* на **границу** **строк**: **предъ/лога**

^F Слово *приходится* на **границу** **строк**: **подъ-/емлю**. Из 27 случаев (вкл. случай из прим. е) несовпадения конца строки и конца слова знак переноса в списках из дела (СПФ АРАН. Разр. 76, № 7) поставлен только в десяти (в списке записки о Ъ и Ь — шесть из пятнадцати).

^G Диакритический знак над первой и в **малѣйшей** ([^]) отличается от употребляемых в остальной рукописи знаков краткости ([~]). Можно предположить, что писец использует краткую И только в финальной позиции и в суффиксе -ѣиш- (ср. в записке о транскрипции отчетливо читаемое наимоспособнѣйшій — л. 2), сомневаясь в необходимости последней нормы (ср. записанное отчетливо без диакритик слово дѣиствительную — л. 1 об.). Благодарю за это устное замечание К. Н. Лемешева.

^H Ъ записана *поверх* **выскобленного** Ъ

причислена быть можетъ, и для того названа *писмянемъ припряжногласнымъ*;¹ сверхъ показанной разности въ звонѣ, при согласныхъ отъ сея литеры происходящемъ, дѣлаетъ она такъ же дѣйствительную разность и въ самыхъ словахъ, напимѣръ *братъ* и *брать*.

Что здѣсь о звонѣ и свойствѣ помянутыхъ литеръ нами объявлено, оное такъ же показываетъ, что никакое слово и никакой² слогъ съ *Ъ* или *Ь* не начинается.

В: Ададуровъ.

марта 11 дня
1737 году.^к

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Основные исправления к публикации русской грамматики
1738–1740 гг. [Успенский 1975]

Выполненное Б. А. Успенским в 1975 г. издание курса русской грамматики, читавшегося в гимназии Петербургской Академии наук в 1738–1740 гг., составленной, по-видимому, В. Е. Адодуровым, имело революционное значение для исследований по истории русской грамматики и языковой ситуации послепетровской России. Обстоятельное исследование, а также тщательно подготовленный текст, снабженный многочисленными текстологическими примечаниями (из них особенно ценны варианты по “Российской грамматике”, выпущенной в 1750 г. в Стокгольме М. Грёнингом и восходящей к найденному Б. А. Успенским тексту) и историко-лингвистическими комментариями, заслуженно делают эту книгу востребованной и спустя 40 лет после ее появления в свет.

Между тем, следует учитывать одну особенность этого издания: для него текст источника готовился в чрезвычайно сжатые сроки жившим в Москве исследователем по рукописи, хранившейся в ленинградской библиотеке; в основу работы были положены заказанные у Библиотеки академии наук фотокопии, о чем можно судить и из листа использования рукописи, и по ряду допущенных при публикации неточностей. Можно предполагать, что именно работа с фотокопиями заставила издателя отказаться от публикации разночтений рукописи в полном объеме, сделав оговорку, что “мы отмечаем подобные случаи лишь там, где удалось разобрать первоначальный текст” (с. 127). По предварительной оценке (для с. 93–111), в текстологический комментарий не попала большая часть вариантов, различимых в подлиннике (112 из 185), что сделало примечания более удобочитаемыми, поскольку львиная доля пропущенных вариан-

¹ в ориг. - ,

² в **никакой** первая **к** выправлена из другой (нрзб.) буквы

^к Возможно также чтение **г[о]д[а]**

тов приходится на графические замены вроде *Ѣ* на *У* или *Ѡ* на *О*. С учетом использованного источника текста, а также времени, затраченного на подготовку публикации, она выполнена на самом высоком уровне: для всего текста, за исключением незначительных и немногочисленных отступлений от подлинника (пропуск или постановка знака препинания, внесение в строку выносных букв; воспроизведение верного текста, а не описки, и т. п.), можно указать лишь 10 значимых уточнений, выявленных при необходимой технической подготовке рецензии на новейшее издание “Anfangs-Gründe der russischen Sprache”.

Цифра в первом столбце указывает на номер страницы текста по пагинации подлинника (воспроизведенной на полях в издании 1975 г.); во втором — на номер строки в публикации Б. А. Успенского, отсчитывая от первого символа за знаком разделения страниц (//). При воспроизведении текста в четвертом столбце использованы принципы публикации Б. А. Успенского (с. 92).

С.	Строка	Текст в публикации 1975 г.	В подлиннике
1	6–7	и ^з являють	и ^з являеть
7	7–8	сове ^р ше ^н но но токмо	сове ^р ше ^н но гласную ^г но токмо
7	14	азбукѣ	языкѣ ^{**}
10	20	по ^л гласною	по ^л гласною
10	21	назва ^т ся	наз ^н ва ^т ся
14	2	въ словѣ	а въ словѣ
113	4	Сѣнь	Сѣнь ^{***}
116	2	Їйсъ или Їсѣ	Їйсъ vel Їсѣ
117	5	Срце	Срѣце
120–121	15–2	надлежа ^т до нѣко ^г орой час ^т и особливѣ ^х // словѣ и что оныя [. . .] пишу ^т ся	надлежа ^т до нѣко ^г орой час ^т и особливой // слова и что оныя для тово пишу ^т ся

* В текстологическом примечании указано, что после *сове^рше^нно* “в рукописи зачеркнуты слова «гласную литеру»” (с. 131). В подлиннике зачеркнуто только слово *литеру*; на слово *гласную* с оборота листа протекли чернила от зачеркивания слова *начинающагося*; ошибка, бесспорно, вызвана использованием фотокопии.

** В соответствии с текстологическим примечанием, Б. А. Успенский предлагает считать, что в этом месте рукописи (“она въ нѣмъ азбукѣ имѣеть свою совершенную ползу”) “отсутствие согласования с местоименной формой обусловлено тем, что писец, начав писать «въ нѣмъ языкѣ», исправил последнее слово, оставив без исправления форму местоимения” (с. 131–132). Это мнение вызвано, по-видимому, тем, что подготовка текста велась по фотокопии: из подлинника очевидно, что направление правки было, наоборот, от *азбукъ* к *языкъ*. Можно добавить, что в рассматриваемой фразе в слове *сове^ршенную* последние две буквы выправлены из *oe*, а слово *свою* допускает чтение *свое*.

*** *ы* дописано

Библиография

АРИСКИНА 2011

АРИСКИНА О. Л., "Изложение учения о морфемике и словообразовании в «Грамматике» В. Е. Адодурова (1738–1740)", *Вестник Мордовского университета*, 1, 2011, 14–16.

БАБАЕВА 2004

БАБАЕВА Е. Э., "[Рец. на:] Compendium Grammaticae Russicae. . .", *Русский язык в научном освещении*, 7 (1), 2004, 286–297.

БЕСПЯТЫХ 1991

БЕСПЯТЫХ Ю. Н., *Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии*, С.-Петербург, 1991.

Волков, Филиппов 2014

Волков С. С., Филиппов К. А., отв. ред., КАРЕВА Н. В., отв. секр., *Василий Евдокимович Адодуров: "Anfangs-Gründe der Russischen Sprache" или "Первые основания русского языка". Формирование русской грамматической традиции*, С.-Петербург, 2014.

ГРИГОРЬЕВ 1870

ГРИГОРЬЕВ В. В., *Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования*, С.-Петербург, 1870.

ГРИНБЕРГ, УСПЕНСКИЙ 2001

ГРИНБЕРГ М. С., УСПЕНСКИЙ Б. А., *Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х – начале 1750-х гг.*, Москва, 2001.

Даниленко 2009

ДАНИЛЕНКО В. П., *История русского языкознания. Курс лекций*, Москва, 2009.

ЖИВОВ 1991

ЖИВОВ В. М., "[Рец. на:] Vasilij Kirillovic Trediakovskij, Psalter 1953. . .", *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, 50/6, 1991, 551–555.

— 1996

ЖИВОВ В. М., *Язык и культура в России XVIII века*, Москва, 1996.

— 2004а

ЖИВОВ В. М., *Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков*, Москва, 2004.

— 2004б

ЖИВОВ В. М., "[Рец. на:] Compendium Grammaticae Russicae. . .", *Вопросы языкознания*, 1, 2004, 145–151.

Зубков 2009

ЗУБКОВ К. Ю., "«Во глубине сибирских руд. . .»", в: *Пушкинская энциклопедия. Произведения*, 1: А–Д, С.-Петербург, 2009, 272–274.

КАРЕВА 2011а

КАРЕВА Н. В., "Наименования глагольных категорий в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова" (дисс. [. . .] канд. филол. наук, ИЛИ РАН, С.-Петербург, 2011).

— 2011б

КАРЕВА Н. В., "Наименования глагольных категорий в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова" (автор. дисс. [. . .] канд. филол. наук, ИЛИ РАН, С.-Петербург, 2011).

— 2011в

КАРЕВА Н. В., "Становление традиции грамматического описания русского языка (1730–1750-е гг.)", в: *Литературная культура России XVIII века*, 4, С.-Петербург, 2011, 90–109.

Клепиков 1959

Клепиков С. А., *Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века*, Москва, 1959.

Клепиков, Кукушкина 1971

Клепиков С. А., Кукушкина М. В., “Филигрань «Pro Patria» на бумаге русского и иностранного происхождения (Материалы для датировки рукописных и печатных текстов). Продолжение”, в: *Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению*, 3, Ленинград, 1971, 319–382.

Копелевич 1990

Копелевич Ю. Х., “Отчет Адодурова о его работе в Академии наук (1737)”, *Вопросы истории естествознания и техники*, 1, 1990, 90–93.

Костина 2016

Костина Т. В., “К вопросу о численности и статусе первых академических студентов в Петербурге (1725–1732 гг.)”, *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской Православной Церкви*, 1 (68), 2016, 32–44.

ЛАЗАРЕВ 2014

LAZAREV Ja., “Однодворцы в системе прямого налогообложения России XVIII в. К вопросу о роли некоронных агентов в управлении государством раннего Нового времени”, *Cahiers du monde russe*, 55/3–4, 2014, 215–234.

Ларин 2002

Ларин Б. А., *Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков*, С.-Петербург, 2002.

Ломоносов 1952

Ломоносов М. В., *Полное собрание сочинений, 7: Труды по филологии*, Москва, Ленинград, 1952.

— 1959

Ломоносов М. В., *Полное собрание сочинений, 8: Поэзия, ораторская проза, надписи*, Москва, Ленинград, 1959.

— 2011

Ломоносов М. В., *Полное собрание сочинений, 7: Труды по филологии*, Москва, С.-Петербург, 2011.

Лудольф 1937

Ларин Б. А., пер., вступ. ст. и прим., *Генрих Вильгельм Лудольф. Русская грамматика. Оксфорд, 1696*, Ленинград, 1937.

МАКЕЕВА 1961

МАКЕЕВА В. Н., *История создания “Русской грамматики” М. В. Ломоносова*, Москва, Ленинград, 1961.

МАРТЫНОВ 1980

МАРТЫНОВ И. Ф., сост., *Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, 4/2: Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения, XVII – первая треть XIX в.*, Ленинград, 1980.

МАТЕРИАЛЫ 1886

Материалы для истории Императорской академии наук, 3: 1736–1738, С.-Петербург, 1886.

МЕНШУТКИН 1940

МЕНШУТКИН Б. Н., пред. и пер., Аннинский С. А., ред. текстов и пер., “Лабораторный журнал и лабораторные записи М. В. Ломоносова”, в: *Ломоносов. Сборник статей и материалов, 1*, Москва, Ленинград, 1940, 9–65.

Миллер 1890

Материалы для истории Императорской академии наук, 6: История Академии наук Г. Ф. Миллера с продолжениями И.-Г. Штриттера, С.-Петербург, 1890.

— 2006

Миллер Г. Ф., *Избранные труды*, С. С. Илизаров, сост., ст., прим., Москва, 2006.

Морозов 1962

Морозов А. А., М. В. Ломоносов. *Путь к зрелости. 1711–1741*, Москва, Ленинград, 1962.

Никитин 2009

Никитин О. В., “Василий Евдокимович Адодуров (к 300-летию со дня рождения)”, *Русский язык в школе*, 5, 2009, 104–110.

ПЕКАРСКИЙ 1866

ПЕКАРСКИЙ П. П., “Дополнительные известия для биографии Ломоносова”, *Записки Императорской Академии Наук*, 8/2, 1866, Прил. 7.

— 1870

ПЕКАРСКИЙ П. П., *История Императорской Академии Наук в Петербурге*, 1, С.-Петербург, 1870.

— 1873

ПЕКАРСКИЙ П. П., *История Императорской Академии Наук в Петербурге*, 2, С.-Петербург, 1873.

Погорелов 1901

Погорелов В. А., *Библиотека Московской синодальной типографии*, 1/3: *Псалтыри*, Москва, 1901.

Протоколы 1897

Протоколы заседаний Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года, 1, С.-Петербург, 1897.

РАЛЕВА 2005

РАЛЕВА Ц., “[Рец. на:] Compendium Grammaticae Russicae. . .”, *Болгарская русистика*, 3–4, 2005, 87–92.

Рогова 1991

Рогова А. И., “Стихотворение А. С. Пушкина «Во глубине сибирских руд . . .»: (Текстологические проблемы)”, *Русская литература*, 4, 1991, 99–114.

Саввина, Телкова 2009

Саввина О. А., Телкова В. А., “Василий Евдокимович Адодуров – первый русский адъюнкт Академии (к 285-летию создания Петербургской Академии наук и 300-летию со дня рождения В. Е. Адодурова)”, *Philologos*, 1–2 (5), 2009, 280–289.

Соколов, Титаев 2013

Соколов М. М., Титаев К. Д., “Провинциальная и туземная наука”, *Антропологический форум*, 19, 2013, 239–275.

СПбВ 1728

Санкт-петербургские ведомости, 102 (21 дек.), 1728, Супплемент.

СРЕЗНЕВСКИЙ 1866

СРЕЗНЕВСКИЙ И. И., *Древние глаголические памятники, сравнительно с памятниками кириллицы*, С.-Петербург, 1866.

Таценко 1982

Таценко Т. Н., “Палеография немецких документов XVIII в.”, в: *Вспомогательные исторические дисциплины*, 13, Ленинград, 1982, 293–313.

ТРЕДИАКОВСКИЙ 1989

LEVITSKY A., VASILIJ KIRILLOVIC TREDIAKOVSKIJ. *Psalter 1753. Erstaussgabe* (= Biblia Slavica. Serie 3: Ostslavische Bibeln, 4: Russische Psalmenübertragungen, b. Vasilij Kirillovič Trediakovskij), Paderborn et al., 1989.

УСПЕНСКИЙ 1975

УСПЕНСКИЙ Б. А., *Первая русская грамматика на родном языке. Доломоносовский период отечественной русистики*, Москва, 1975.

— 1984

УСПЕНСКИЙ Б. А., “К истории одной эпитафии Тредиаковского (эпизод языковой полемики середины XVIII в.)”, *Russian Linguistics*, 8/2, 1984, 75–127, DOI: 10.1007/BF02529825.

— 1992

УСПЕНСКИЙ Б. А., “Доломоносовские грамматики русского языка (итоги и перспективы)”, в: *Доломоносовский период русского литературного языка = The Pre-Lomonosov Period of the Russian Literary Language* (= Slavica Suecana. Series B. Studies, 1), Stockholm, 1992, 63–169.

— 1997

УСПЕНСКИЙ Б. А., *Избранные труды*, 3: *Общее и славянское языкознание*, Москва, 1997.

ФОМИЧЕВА 2014

ФОМИЧЕВА О. А., А. С. Будилович. *Деятельность в национальных регионах пореформенной Российской империи*, С.-Петербург, 2014.

ХРОЛЕНКО 2013

ХРОЛЕНКО А. Т., *История филологии. Учебное пособие*, Москва, 2013.

ЯКОБСОН 1978

ЯКОБСОН Р. О., “О лингвистических аспектах перевода”, в: *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Сборник статей*, Москва, 1978, 16–24.

ARNOLDT 1746

ARNOLDT D. H., *Ausführliche und mit Urkunden versehene Historie der Königsbergischen Universität*, 2, Königsberg, 1746.

DAIBER 1992

DAIBER TH., *Die Darstellung des der Zeitworts in ostslavischen Grammatiken von den Anfängen bis zum ausgehenden 18. Jahrhundert*, [Freiburg], 1992.

DREI GRAMMATIKEN 1969

UNBEGAUN B. O., *Drei russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts. Nachdruck der Ausgaben von 1706, 1731 und 1750*, München, 1969.

HARTKOPF 1992

HARTKOPF W., *Die Berliner Akademie der Wissenschaften. Ihre Mitglieder und Preisträger. 1700–1990*, Berlin, 1992.

КЕИПЕРТ 1983

КЕИПЕРТ Н., “Die Petersburger »Teutsche Grammatica« und die Anfänge der Russistik in Rußland,” in: G. FREIDHOF, P. KOSTA, M. SCHÜTRUMPF, Hrg., *Lomonosov und grammatische Beschreibung im 18. Jahrhundert* (= Studia Slavica in honorem viri doctissimi Olexa Horbatsch: Festgabe zum 65. Geburtstag, 3), München, 1983.

— 1995

КЕИПЕРТ Н., “Das Problem der Motion in den ältesten Grammatiken des Russischen,” in: *The Language and Verse of Russia. In Honor of D. S. Worth on His 65-th Birthday = Язык и стиль в России. Сб. в честь Дина С. Ворты к его 65-летию* (= UCLA Slavica Studies. New Series, 2), Москва, 1995, 172–180.

— 1999

КЕИПЕРТ Н., “*И contractum redivivum*. Zur Wiedereinführung des и краткое im russischen Buchdruck,” *Zeitschrift für Slawistik*, 44/3, 1999, 251–267.

KEIPERT, HUTERER 2002

KEIPERT H., HUTERER A., Hrsg., *Compendium Grammaticae Russicae (1731). Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache*, München, 2002.

LUDOLF 1696

Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica quae continet non tantum praecipua fundamenta russicae linguae, verum etiam Manuductionem quandam ad grammaticam slavonicam, Oxonii, 1696.

SEMBRITZKI 1903

SEMBRITZKI J., "Zu Pisanski's Collectanea zu einer Beschreibung der Stadt Johannisberg," *Mitteilungen der Literarischen Gesellschaft Masovia*, 9, 1903, 205–206.

SPZ 1728

St. Petersburgische Zeitung, 102 (21 Dec.), 1728, Anhang.

WEISMANN'S LEXIKON 1983

SCHOLZ B., FREIDHOF G., KOSTA P., SCHÜTRUMPF M., Hrsg., *Weismann's Petersburger Lexikon von 1731*, 3: *Grammatischer Anhang*, München, 1983.

WINTER 1954

WINTER E., *Die Pflege der west- und südslavischen Sprachen in Halle im 18. Jahrhundert: Beiträge zur Geschichte des bürgerlichen Nationwerdens der west- und südslavischen Völker*, Berlin, 1954.

WORTH 2004

WORTH D., "[Rev.:] *Compendium Grammaticae Russicae*. . .," *Die Welt der Slaven*, 2, 2004, 401–402.

References

Ariskina O. L., "Izlozhenie ucheniia o morfemike i slovoobrazovanii v 'Grammatike' V. E. Adodurova (1738–1740)," *Mordovia University Bulletin*, 1, 2011, 14–16.

Babaeva E. E., "[Rev.:] *Compendium Grammaticae Russicae*. . ." *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii (Russian Language and Linguistic Theory)*, 7 (1), 2004, 286–297.

Bespiatykh Yu. N., *Peterburg Petra I v inostrannykh opisaniakh: Vvedenie. Teksty. Kommentarii*, St. Petersburg, 1991.

Daiber Th., *Die Darstellung des Zeitworts in ostslavischen Grammatiken von den Anfängen bis zum ausgehenden 18. Jahrhundert*, [Freiburg], 1992.

Danilenko V. P., *Istoriia russkogo iazykoznanii. Kurs lektsii*, Moscow, 2009.

Fomicheva O. A., A. S. Budilovich. *Deiatel'nost' v natsional'nykh regionakh poreformennoi Rossiiskoi imperii*, St. Petersburg, 2014.

Grinberg M. S., Uspenskij B. A., *Literaturnaia voina Trediakovskogo i Sumarokova v 1740-kh – nachale 1750-kh gg.*, Moscow, 2001.

Hartkopf W., *Die Berliner Akademie der Wissenschaften. Ihre Mitglieder und Preisträger. 1700–1990*, Berlin, 1992.

Jakobson R. O., "On Linguistic Aspects of Translation," in: *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoi lingvistike*, Moscow, 1978, 16–24.

Kareva N. V., "Stanovlenie traditsii grammaticheskogo opisaniia russkogo iazyka (1730–

1750-e gg.)," in: *Literaturnaia kul'tura Rossii XVIII veka*, 4, St. Petersburg, 2011, 90–109.

Keipert H., "Die Petersburger »Teutsche Grammatica« und die Anfänge der Russistik in Rußland," in: G. Freidhof, P. Kosta, M. Schütrumpf, Hrsg., *Lomonosov und grammatische Beschreibung im 18. Jahrhundert* (= *Studia Slavica in honorem viri doctissimi Olexa Horbatsch: Festgabe zum 65. Geburtstag*, 3), München, 1983.

Keipert H., "Das Problem der Motion in den ältesten Grammatiken des Russischen," in: *The Language and Verse of Russia. In Honor of D. S. Worth on His 65-th Birthday* (= *UCLA Slavica Studies. New Series*, 2), Moscow, 1995, 172–180.

Keipert H., "I contractum redivivum. Zur Wiedereinführung des i kratkoe im Russischen Buchdruck," *Zeitschrift für Slavistik*, 44/3, 1999, 251–267.

Keipert H., Huterer A., Hrsg., *Compendium Grammaticae Russicae (1731). Die erste Akademie-Grammatik der Russischen Sprache*, München, 2002.

Khrolenko A. T., *Istoriia filologii*, Moscow, 2013.

Klepikov S. A., *Filigrani i shtempeli na bumage russkogo i inostrannogo proizvodstva XVII–XX veka*, Moscow, 1959.

Klepikov S. A., Kukushkina M. V., "Filigran' Pro Patria' na bumage russkogo i inostrannogo proiskhozhdeniia (Materialy dlia datirovki rukopisnykh i pechatnykh tekstov). Prodolzhenie," in: *Sbornik statei i materialov Biblioteki AN SSSR po knigovedeniiu*, 3, Leningrad, 1971, 319–382.

Kopelevich Yu. Kh., "Otchet Adodurova o ego rabote v Akademii nauk (1737)," *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, 1, 1990, 90–93.

Kostina T. V., "Ranks of Students in St. Petersburg Academy of Sciences (1725–1732): Questioning Status and Corpus," *St. Tikhon's University Review. Series II. History. History of the Russian Orthodox Church*, 1 (68), 2016, 32–44.

Larin B. A., ed., transl., *Heinrich Wilhelm Ludolf. Russkaia grammatika*. Oksford, 1696, Leningrad, 1937.

Larin B. A., *Tri inostrannykh istochnika po razgovornoj rechi Moskovskoi Rusi XVI–XVII vekov*, St. Petersburg, 2002.

Lazarev Ja., "Odnodvortsy and Direct Taxation in Eighteenth-century Russia: The Role of Non-state Tax Collectors during the Early Modern Period," *Cahiers du monde russe*, 55/3–4, 2014, 215–234.

Levitsky A., *Vasilij Kirillovic Trediakovskij. Psalter 1753. Erstausgabe*, (= Biblia Slavica. Serie 3: Ostslavische Bibeln, 4: Russische Psalmenübertragungen, b. Vasilij Kirillovič Trediakovskij), Paderborn et al., 1989.

Makeeva V. N., *Istoriia sozdaniia "Rossiiskoi grammatiki" M. V. Lomonosova*, Moscow, Leningrad, 1961.

Martynov I. F., *Opisanie Rukopisnogo otdela Biblioteki Akademii nauk SSSR*, 4/2: *Stikhovoreniia, romansy, poemy i dramaticheskie sochineniia, XVII – pervaiia tret' XIX v.*, Leningrad, 1980.

Menshutkin B. N., Anninskiy S. A., eds., "Laboratornyi zhurnal i laboratornye zapisi M. V. Lomonosova," in: *Lomonosov. Sbornik statei i materialov*, 1, Moscow, Leningrad, 1940, 9–65.

Morozov A. A., *M. V. Lomonosov. Put' k zrelosti. 1711–1741*, Moscow, Leningrad, 1962.

Müller G. F., *Izbrannye trudy*, S. S. Ilizarov, ed., Moscow, 2006.

Nikitin O. V., "Vasilii Evdokimovich Adodurov (k 300-letiiu so dnia rozhdeniia)," *Russkii iazyk v shkole (Russian Language at School)*, 5, 2009, 104–110.

Raleva Ts., "[Rev.:] Compendium Grammaticae Russicae. . .," *Bolgarskaia rusistika (Bulgarian Rusistics)*, 3–4, 2005, 87–92.

Rogova A. I., "Stikhovorenie A. S. Pushkina 'Vo glubine sibirskikh rud. . .': (Tekstologicheskie problemy)," *Russkaia literatura*, 4, 1991, 99–114.

Savina O. A., Telkova V. A., "Vasily Antonovich Adodurov—First Russian Academy Associate," *Filologos*, 1–2 (5), 2009, 280–289.

Scholz B., Freidhof G., Kosta P., Schüttrumpf M., Hrsg., *Weismanns Petersburger Lexikon von 1731*, 3:

Grammatischer Anhang, München, 1983.

Sokolov M. M., Titaev K. D., "'Provincial' and 'Indigenous' Scholarship in the Humanities and Social Sciences," *Antropologicheskyy forum*, 19, 2013, 239–275.

Tatsenko T. N., "Paleografii nemetskikh dokumentov XVIII v.," in: *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*, 13, Leningrad, 1982, 293–313.

Unbegaun B. O., *Drei russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts. Nachdruck der Ausgaben von 1706, 1731 und 1750*, München, 1969.

Uspenskij B. A., *Pervaia russkaia grammatika na rodnom iazyke. Dolomonosovskii period otechestvennoi rusistiki*, Moscow, 1975.

Uspenskij B. A., "K istorii odnoi epigrammy Trediakovskogo (epizod iazykovoii polemiki serediny XVIII v.)," *Russian Linguistics*, 8/2, 1984, 75–127, DOI: 10.1007/BF02529825.

Uspenskij B. A., "Dolomonosovskie grammatiki russkogo iazyka (itogi i perspektivy)," in: *The Pre-Lomonosov Period of the Russian Literary Language* (= Slavica Suecana. Series B. Studies, 1), Stockholm, 1992, 63–169.

Uspenskij B. A., *Izbrannye trudy*, 3: *Obshchee i slavianskoe iazykoznanie*, Moscow, 1997.

Volkov S. S., Filippov K. A., Kareva N. V., eds., *Vasilii Evdokimovich Adodurov: "Anfangs-Gründe der Russischen Sprache" ili "Pervye osnovaniia russkogo iazyka."* *Formirovanie russkoi grammaticheskoi traditsii*, St. Petersburg, 2014.

Winter E., *Die Pflege der west- und südslavischen Sprachen in Halle im 18. Jahrhundert: Beiträge zur Geschichte des bürgerlichen Nationwerdens der west- und südslavischen Völker*, Berlin, 1954.

Worth D., "[Rev.:] Compendium Grammaticae Russicae. . .," *Die Welt der Slaven*, 2, 2004, 401–402.

Zhivov V. M., "[Rev.:] Vasilij Kirillovic Trediakovskij, Psalter 1753. . .," *Izvestiia AN SSSR. Seriiia literatury i iazyka*, 50/6, 1991, 551–555.

Zhivov V. M., *Iazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka*, Moscow, 1996.

Zhivov V. M., *Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo iazyka XVII–XVIII vekov*, Moscow, 2004.

Zhivov V. M., "[Rev.:] Compendium Grammaticae Russicae. . .," *Voprosy jazykoznanija*, 1, 2004, 145–151.

Zubkov K. Yu., "Vo glubine sibirskikh rud. . .," in: *Pushkinskaia entsiklopediia. Proizvedeniia*, 1, St. Petersburg, 2009, 272–274.

Андрей Александрович Костин, кан. филол. наук
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, заведующий
Отделом библиографии и источниковедения
199034 С.-Петербург, наб. Макарова, д. 4
Россия/Russia
a.al.kostin@gmail.com

Received December 21, 2015